K-78

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ ~~XXXIX~~ XXII Ja I
Полка 3 1 6
№ 11 10 48

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ

О

БУНТАХЪ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

К-78

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ

О

БУНТАХЪ ХМЕЛЬНИЦКАГО

И

ВОЙНѢ СЪ ТАТАРАМИ, ШВЕДАМИ И УГРАМИ,

съ царствованіе

Владислава и Казиміра,

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ ДВѢНАДЦАТИ ЛѢТЪ,

НАЧИНАЯ СЪ 1647 Г.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО.

3762

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА
им. Горького

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

БИБЛІОТЕКА
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

894/92.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1847.

По опредѣленію Общества ноября 30-го, 1846 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полное заглавіе подлинника слѣдующее: »Historya o buntach Chmielnickiego, o wojnie z Tatarami, ze Szwedami i z Węgrami za króla Władisława i Jana Kazimierza przez lat dwanaście, krótko zebrana, ab anno 1647, anno 1648....« Авторъ этой лѣтописи неизвѣстенъ, но, судя по восторженнымъ похваламъ князю Іереміи Вишневецкому, по многочисленнымъ подробностямъ о его дѣйствіяхъ, можно догадываться, что она писана кѣмъ-либо изъ его кліентовъ. Переводъ сдѣланъ со втораго изданія, напечатаннаго, въ 1842 году, въ Вратиславѣ (Бреславлѣ), подъ упомянутымъ и особымъ, выставленнымъ сначала, заглавіемъ: „Pamiętniki o wojnach Kozackich za Chmielnickiego przez nieznanego autora.“ Изданіе это крайне небрежно: нѣтъ ни предисловія, изъ котораго можно было бы узнать, кто былъ издателемъ и какія основанія были приняты имъ при печатаніи, ни снимка съ лѣтописи, по которому можно бы судить, автографъ ли это, или позднѣйшая копія; а между тѣмъ, вѣроятно для удобнѣйшаго чтенія, правописаніе всюду употреблено новое. Неизвѣстность, принадлежатъ ли встрѣченныя въ текстѣ сомнительныя мѣста къ опечаткамъ, или это описки лѣтописца, а также и возможность, при переводѣ съ такого, близкаго къ Русскому, языка, удержать не только смыслъ, но часто и обороты подлинника, заставили переводчика вовсе не думать о

красотѣ и правильности слога. По этому переводчикъ считаетъ необходимымъ замѣтить, что всѣ двусмысленныя мѣста перевода точно таковы и въ оригиналѣ; объяснять ихъ себѣ, т. е., установлять чтеніе, воленъ всякій. Очевидно, что Исторія эта писана подъ сильнымъ вліяніемъ племеннаго нерасположенія и пристрастія; однако, не смотря на то, въ ней много важныхъ данныхъ, ни откуда намъ неизвѣстныхъ, которыми должно дорожить. Впрочемъ, историкъ и племенное нерасположеніе, и пристрастіе обязанъ брать къ свѣдѣнію.

Переводчикъ.

1846.

Москва.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ

О

БУНТАХЪ ХМЕЛЬНИЦКАГО, ВОЙНѢ СЪ ТАТАРАМИ, ШВЕДАМИ И УГРАМИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ КОРОЛЕЙ ВЛАДИСЛАВА IV-ГО И ЯНА КАЗИМІРА СЪ 1647 ПО 1660 Г.

Хмельницкій, природный Козакъ, человѣкъ ученый и хорошій воинъ, котораго король Владиславъ употреблялъ въ разныхъ военныхъ походахъ, а особенно противъ Турокъ, довѣряя ему въ дѣйствіяхъ съ ними начальство надъ войскомъ и пушками, за заслуги, оказанныя отечеству, получилъ на Украйнѣ большое количество земли, особенно одинъ хуторъ въ старостве Чигиринскомъ, который онъ прекрасно заселилъ, давши поселянамъ льготы. Эта значительная населенность въ слободахъ Хмельницкаго возбуждала ненависть и зависть въ нашемъ братѣ, Полякѣ, какомъ-то Чаплинскомъ, который считалъ за несправедливое дѣло, чтобы Хмельницкій владѣлъ такимъ большимъ состояніемъ; и потому помянутый Чаплинскій положилъ себѣ отобрать у Хмельницкаго тотъ хуторъ и слободы, что и исполнилъ. Когда же Хмельницкій о томъ, какъ о своей собственности, сталъ напоминать, тогда Чаплинскій велѣлъ его схватить и посадить въ тюрьму; бывъ выпущенъ оттуда по просьбѣ своей жены, Хмельницкій сказалъ: „Есть у меня сабля въ рукахъ; живъ „Господь, и Козацкая мать еще не „умерла!“ Сказавъ это, началъ онъ тотчасъ же сноситься съ другими сильнѣйшими Козаками, которые также терпѣли большія обиды и оскорбленія отъ нѣкоторыхъ Польскихъ пановъ, исподволь затягивать въ свое предпріятіе народъ, составлять скопищи и открыто бунтовать. Гетманъ Польскій Потоцкій, узнавъ объ этомъ, написалъ письмо Кречовскому, полковнику Переяславскому, чтобы онъ Хмельницкаго схватилъ. Кречовскій, который по предписанію долженъ былъ Хмельницкаго схватить, вмѣсто того еще предостерегъ его, и письмо гетманское ему показалъ, совѣтуя быть на сторожѣ. Предувѣдомленный такимъ образомъ, Хмельницкій уѣхалъ въ Запорожье и тамъ многихъ подговоривши, сдѣлалъ бунтъ; съ Запорожья пустился къ Татарскому Хану, прося у него помощи противъ Поляковъ; а какъ Ханъ на это не соглашался, то Хмельницкій далъ ему въ заложники своего сына, котораго Ханъ принялъ съ охотою и тотчасъ же далъ Хмельницкому 7,000 Татаръ, обѣщая въ послѣдствіи непремѣнно прислать еще больше.

Узнавъ объ этомъ, гетманъ днемъ и ночью спѣшилъ съ войскомъ на Украйну, чтобы, какъ можно скорѣе, погасить этотъ огонь. Но какъ отъ непостоянной зимы не могъ переправиться черезъ рѣки, то принужденъ былъ зимовать въ Черкасахъ и только послѣ Свѣтлаго Воскресенія, когда земля покрылась травою, переправился черезъ Днѣпръ, приказавъ реестровымъ Козакамъ, для скорѣйшаго похода, плыть противъ Хмельницкаго на байдакахъ, т. е., большихъ оббитыхъ лодкахъ, а сына своего съ 2,000 войска отправилъ сухимъ путемъ. Но вскорѣ послѣ этого пришло извѣстіе, что Хмельницкій съ Татарами, напавъ на его сына, гдѣ-то на Желтой Водѣ, держалъ его въ осадѣ, и что отправленные на байдакахъ реестровые Козаки, узнавъ о томъ, перетопили всѣхъ своихъ начальниковъ и старшину и ушли къ Хмельницкому. Тоже самое сдѣлали и многіе изъ драгунъ, находившихся при Гетманскомъ сынѣ, которые безчестно его оставили и пристали къ Козакамъ.

Встревоженный такою недоброю вѣстью, гетманъ пошелъ съ войскомъ спасать сына, но уже поздно; ибо попавшійся ему на дорогѣ одинъ раненный товарищъ изъ подъ команды его сына, объявилъ, что станъ былъ взятъ и сынъ его или живой въ плѣнъ попался, или, какъ онъ былъ тяжело раненъ, то можетъ быть уже и умеръ. Тутъ же Сапѣгу и Шембека взяли. Еще болѣе смущенный, великій гетманъ, вмѣстѣ съ гетманомъ польнымъ, возвратился назадъ, и только что сталъ лагеремъ близъ рѣки Росыки, не далеко отъ Корсуня, какъ въ слѣдъ за нимъ прибылъ къ Корсуню Хмельницкій со множествомъ Козаковъ и съ великимъ стремленіемъ началъ наступать на Польское войско. Однакожъ наши кос-какими валами осыпались и потому такъ удачно Козаковъ стрѣльбою поражали, что они принуждены были удалиться на гору, съ которой, однако жъ, ночью, при свѣтѣ луны, неоднократно на Польскій станъ нападали и, не имѣя успѣха, пытали счастья и на другой день. Между тѣмъ наши добыли языка, только невѣрнаго, должно быть нарочно Ордою подосланнаго, который сказывалъ, что Козацкаго войска очень много и что еще идетъ къ нему на помощь 50 тысячъ Татаръ подъ предводительствомъ самаго Хана. Наши, устрашенные этимъ слухомъ, положили отступать таборомъ; и такъ вечеромъ, устроивъ таборъ въ 8 мъ шеренгъ, а въ серединѣ табора.... устроившись, по бокамъ поставили конницу, и пустились въ бѣгство.

Подмѣтивъ это, Хмельницкій наступилъ со всѣмъ своимъ войскомъ, которому наши сперва давали отпоръ сильною пальбою; но когда пришлось съ таборами переправляться чрезъ горы и овраги, то часть Козаковъ сильно нашихъ поражать стала; другіе же, зашедъ стороною, покопали впереди глубокіе рвы и подѣлали въ лѣсахъ засѣки, а Татары какого-то большаго пруда плотину прорыли.

Такимъ-то образомъ одолѣли нашихъ, которые, хотя мужественно оборонялись и уходили, однако же тяжкое понесли пораженіе. Потому, что не только много лучшей шляхетской молодежи съ войскомъ погибло, но и оба гетманы, т. е., Потоцкій, великій, и Калиновскій, польный, Татарамъ въ неволю достались и отведены въ Крымъ; съ гетманами были взяты ротмистры: Сенявскій, Бѣгановскій и Яскульскій; одинъ

только Корыцинскій былъ столько счастливъ, что съ своимъ полкомъ спасся полѣсьемъ (polisiem). Такимъ-то образомъ Козаки получили богатую добычу, а Татары много плѣнниковъ набрали. Такъ постыдно и съ великимъ замѣшательствомъ нашихъ, поразивъ войско Польское, Хмельницкій сталъ лагеремъ недалеко отъ Бѣлой Церкви съ войскомъ, котораго, считая съ Татарами, было болѣе 15,000. Въ то время, какъ Польское войско оплакивало это несчастіе (что и войско разбито, и гетманы Хмельницкимъ въ плѣнъ взяты), новаго горя къ прежнему прибавила смерть короля Владислава, который, будучи изъ Литвы въ Варшаву для созванія сейма и спасенія отечества, въ Меречѣ отъ перемежающейся лихорадки умеръ. Должно знать, что въ царствованіе этого короля Поляки пользовались великою свободою и столь долго наслаждались миромъ, что почти и воевать забыли; войска въ Польшѣ было очень мало, ибо всего на все считалось только 6,000 человѣкъ; и потому не удивительно, что Хмельницкій обоихъ гетмановъ въ плѣнъ взялъ, особенно, когда и это столь малое войско Богъ не только не одушевилъ мужествомъ, но еще и ниспослалъ на него какую-то робость.

Извѣстіе о смерти короля, расходясь всюду, дошло, наконецъ, и до Хмельницкаго; только онъ тому не вѣрилъ и для того оставался при Бѣлой Церкви; но видя, что никто на него не нападаетъ, дозволилъ своимъ Татарамъ дѣлать набѣги; Татары, доходя до самаго Горыни, народъ въ неволю уводили, а Козаки, врываясь въ господскія усадьбы, шляхту мучили, попочекъ и попъ безчестили и насиловали, а потомъ жестоко мучили, костелы опустошали и священниковъ, изъ пренебреженія къ вѣрѣ, убивали. Послѣ сего пошелъ самъ Хмельницкій подъ Нестерваръ и ставши отъ него миляхъ въ двухъ поджидалъ черпь, коей ежеминутно все болѣе и болѣе къ нему стекалось. А какъ въ замкѣ Нестерварскомъ заперлось много шляхты, также разнаго званія людей и Жидовъ не мало, то Хмельницкій, будучи о томъ увѣдомленъ, послалъ нѣкоторые свои полки съ атаманами Гандзою и Остапомъ, приказавъ взять замокъ; но шляхта съ Жидами и другими людьми до тѣхъ поръ имъ не поддавалась и мужественно защищалась, пока Козаки не подвезли пушекъ, изъ конхъ такъ сильно стали осажденныхъ поражать, что испуганная шляхта тотчасъ же стала договариваться съ Козаками о мирѣ. Заключили тогда такого рода условія, чтобы шляхта дала за себя выкупъ, а Жидовъ изъ замка выгнала. Жиды, видя что на выгнаніе ихъ изъ замка всѣ согласны, вознося руки къ небу, стали умолять, чтобы ихъ не отдавали Козакамъ на убіеніе и предостерегали нашихъ, что если ихъ выгонять, то и сами должны погибнуть. Наши, однако, вовсе на это не обращали вниманія, но, полагаясь на гайдамацкое слово, Жидовъ насильно изъ замка выгнали; а тѣ, обливаясь слезами и громко призывая Бога въ отмщеніе, съ женами и дѣтьми изъ замка вышли, и, ставъ у замковаго вала, столь мужественно пальбою и чѣмъ могли защищались, что всѣ до послѣдняго погибли. Наши же, давъ выкупъ, считали себя въ безопасности, и заложниковъ не взяли, и съ Козаками, пьянствуя и гуляя, вели переговоры о дальнѣйшемъ мирѣ, который имъ Козаки дать обѣщали; и въ самомъ дѣлѣ Козакъ Гандз-

за, какъ бы довольствуясь выкупомъ, отступилъ съ своимъ полкомъ отъ замка Нестерварскаго; но Остапъ, другой полковникъ, не соглашаясь на то, на пашихъ уже ничего не опасавшихся, неожиданно напалъ и одну башню, въ которой болѣе, чѣмъ въ другихъ, было пороху, зажегъ. А когда въ замкѣ отъ загорѣвшагося пороха сдѣлался великій трескъ, тогда Козаки тотчасъ, ворвавшись въ замокъ, шляхту и другихъ состояній людей выгубили; но потомъ нѣсколько успокоились и, запираясь въ тѣхъ величайшихъ жестокостяхъ, болѣе ихъ не производили. Однако жъ и уцѣлѣвшіе несчастно кончили, потому что когда съ Козаками напились, какъ бы мирясь, а потомъ и вздорить съ ними начали, то Козаки, когда уже до сильной ссоры дошло, будто для утишенія шума, выводили ихъ по одиначкѣ на дворъ и убивали. Тамъ же князю Четвертинскому собственный его подданный отрубилъ на плахѣ голову и за то былъ сдѣланъ сотникомъ; а княгиня, оставшись сиротою и потерявъ мужа и милыхъ дѣтей, чтобы сохранить свою жизнь, согласилась быть женою какого-то полковника. Ахъ, несчастливъ тотъ бракъ, въ которомъ поганый холопъ кляпется въ вѣрности княгинѣ! Не золотое тутъ супружеское ярмо, не золотыя, а рабскія, цѣпи несчастныя обстоятельства на сердце княгини возложили. Должна была знатная пани, рада не рада, угождать грубіяну. Если бы кто заглянулъ въ сердце княгини, тотъ увидѣлъ бы, что съ нею дѣлалось въ то время, когда Козаку въ пожизненную дружбу отдавалась! Прочая шляхта, устрашенная тѣми убійствами, произведенными Козаками въ замкѣ Нестерварскомъ, покинувъ свои усадьбы, села и богатства, бѣжала, что было духу, за Вислу и дальше. Доволенъ былъ этимъ бѣгствомъ непріятель, потому что нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія; около Краснаго, Шаграда, Браславля, Виницы и даже до Горыни огнемъ и мечемъ край опустошилъ.

Для предотвращенія дальнѣйшаго кровопролитія, князь примасъ учинилъ созваніе сенаторовъ и прочихъ пановъ, на которомъ единогласно было положено, чтобы изъ всѣхъ воеводствъ и повѣтовъ собиралось войско, надъ которымъ трехъ воеводъ поставили; и тотчасъ же тѣмъ ошиблись, что не избрали начальникомъ и регименторіемъ князя Іеремію Вишневецкаго. А князь, какъ любящій отечество сынъ, собравъ на собственномъ иждивеніи нѣсколько десятковъ хоругвей, началъ пробираться за Днѣпръ, желая поспѣть на помощь гетманамъ; но какъ паромы и мосты вездѣ были потоплены, то долженъ былъ возвратится въ Лубны, гдѣ, взявъ съ собою жену и дѣтей, вмѣстѣ съ прочими сосѣдями удалился на Волынь. Тамъ присоединилось къ князю немного войска изъ Переяславля и Миргорода, такъ, что уже всего его войска простиралось до 3,000, съ которымъ едва переправился черезъ Днѣпръ въ Любочѣ, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что около Буга Козакъ Кривонось опустошаетъ его имѣнія; по этому онъ тотчасъ княгиню съ дѣтьми, обозомъ и дворовыми людьми отправилъ въ Вишневецъ, а самъ, оставшись съ своимъ войскомъ, пошелъ къ Погребищамъ, гдѣ, нашедши много бунтующихъ Козаковъ и поповъ, велѣлъ ихъ посажать на колъ; съ Погребищъ пошелъ къ Немирову и сталъ лагеремъ на Обудномъ. Оттуда послалъ Барановскаго съ тремя хоругвями драгунъ къ Немировскимъ жителямъ, тре-

буя отъ нихъ провіанта для войска. Барановскій, пришедши къ городу, нашелъ ворота запертыми, изъ за которыхъ кто-то ему сказалъ, что тутъ нѣтъ уже Ляцкаго и что городъ считаетъ паномъ своимъ Хмельницкаго. Князь, справедливо разгнѣванный такимъ отвѣтомъ, данымъ Барановскому, приказалъ людямъ, какъ можно проворнѣе, подбѣжать съ топорами къ городу и вырубить часть частокола; черезъ это отверстіе наши ворвались въ городъ и произвели въ немъ немалое смятеніе, потому что и сами попы били въ набатъ, призывая народъ къ бунту на нашихъ; но это имъ не удалось, ибо наши тотчасъ же не мало гультайства перерѣзавши, бунтъ унялн. На другой день, запуганные жители, повылазивъ изъ сокровенныхъ своихъ уголковъ, съ великою, но притворною, покорностію, пришли къ князю, прося у него помилованія, и извиняясь, что они ни въ чемъ не виноваты, говорили, будто такъ нагло негодяй какой-то отвѣчалъ Барановскому, а они будто бы о томъ ровно ничего не знали; и при томъ объявляли, что они съ великою охотою дали бы провіантъ для войска, какъ вѣрные своему господину подданные.

Повѣрилъ князь этой коварной покорности, простилъ имъ вину ихъ и еще свое благоволеніе панское оказывая, 200 драгуновъ съ Ксепскимъ и Пѣховичемъ далъ имъ для обороны. Но ахъ несчастіе! Немировчане, согласившись между собою, дали знать Козакамъ, которые, измѣнически ворвавшись въ городъ, тѣхъ драгунъ, не хотѣвшихъ живыми отдаваться имъ въ руки, но какъ могли оборонявшихся, перерѣзали. Узнавъ объ этомъ, князь очень скорбѣлъ о томъ, что Немировчане, собственные его подданные, такъ коварно ему измѣнили, и воротился было къ Немирову, желая справедливо отмстить своимъ измѣнникамъ; но близь Янчарихи панъ Тышкевичъ, воевода Кіевскій, перенялъ ему путь и просилъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ шелъ къ Махновицамъ, городу, ему принадлежащему, которое Кривоносъ раззорялъ. Упрошенный такимъ образомъ, князь соединился съ Тышкевичемъ и пошелъ къ вышеупомянутымъ Махновицамъ, гдѣ Кривоносъ произвелъ уже большія раззоренія: раззорилъ одинъ монастырь, монаховъ всѣхъ перерѣзалъ, но замокъ, который былъ обнесенъ частоколомъ, еще коекакъ защищался. Князь Вишневецкій съ Тышкевичемъ, напавъ на Кривоноса, благополучно разбилъ его на голову; и изъ замка тоже сдѣлали вылазку противъ Козаковъ и помогли нашему тріумфу; видя это Кривоносъ долженъ былъ бѣжать къ своимъ таборамъ. А между тѣмъ наши бѣгущихъ въ воротахъ храбро поражали, рѣзали, стрѣляли и, какъ только могли, враговъ истребляли. Вытѣсненный такимъ образомъ Кривоносъ, убрался съ гультайствомъ въ таборы; но и тамъ его князь съ своими жестоко поражалъ и пушки было отнялъ, но Тышкевичъ упросилъ, чтобы онъ не раззорялъ вовсе таборовъ, потому что ему жаль было своихъ гуменъ; боялся также, чтобы Хмельницкій, въ злости за истребленіе Кривоноса, не мстилъ ему, а къ тому же и ночь наступала. По этому князь велѣлъ войску отступить. И такъ непріятель, выпущенный въ слѣдствіе этого снисхожденія, въ ту же самую ночь ушелъ за четыре большихъ мили. Князь, не преслѣдуя врага, на другой день двинулся къ Хрицу, гдѣ его

встрѣтила шляхта изъ Полоннаго, умоляя, чтобы онъ ее чѣмъ нибудь обезопасилъ; но князь отказалъ имъ, потому что его люди и лошади быстрымъ маршемъ и воинскими маневрами были изнурены, обѣщая однако жъ, притти къ нимъ на помощь, если бы Козаки ихъ осадили; а между тѣмъ написалъ къ Корицкому и Осинскому, чтобъ они съ его войскомъ соединились; но тѣ отказались, говоря, что не имѣютъ на то гетманскихъ повелѣній. Опечаленный этимъ, князь хотѣлъ было все оставить и пріискать себѣ спокойный уголокъ, дабы не показаться, воюя съ непріятелемъ безъ вѣдома гетмановъ, человѣкомъ ищущимъ пустой славы; съ этою цѣлію двинулся было къ Збаражу и миновалъ Константиновъ. Въ Росоловицахъ догнали его запыхавшіеся Корицкій и Осинскій, прося прощенія въ томъ, что на его письменное требованіе съ полками не пришли и говорили въ свое оправданіе, что должны были исполнять гетманскія повелѣнія; но теперь напрасно стали бы исполнять ихъ, когда Козаки съ великою силою наступали въ слѣдъ за ними; объявили князю, что сего дня будутъ подъ Констатиновымъ и просили, чтобы онъ ихъ принялъ подъ свое начальство. И потому князь не зналъ, что дѣлать; но изъ любови къ отечеству и снисходя на просьбы Корицкаго и Осинскаго, принялъ ихъ подъ свою команду. Увидѣвъ подъ Константиновымъ великій дымъ и огни Козацкіе, князь, не идя на нихъ, велѣлъ своимъ окопаться ночью при прудѣ Вишоватомъ. Въ самый день святой Анны показался непріятель, спускавшійся съ горы къ плотинѣ. Увидѣвъ это, князь поставилъ конныхъ драгуновъ передъ плотиною, а между тѣми драгунами построилъ незначительное число пѣхоты и приказалъ прикрыть ее, какъ слѣдуетъ, лошадьми, а всѣмъ остальнымъ велѣлъ быть съ Замойскимъ въ готовности подавать помощь. Козаки на это ни мало не обращали вниманія, но, прикрывшись таборами, со всѣми силами (całym gminem) пробивались; драгуны наши сначала не нападали, но только потихоньку отстрѣливались, пока уже не натѣснилось Козаковъ слишкомъ много; тогда драгуны, выстрѣливъ залпомъ, разступились, а между тѣмъ пѣхота, пулями и порохомъ такъ имъ густо подъ носъ подкурила, что, не вытерпѣвъ этого смраду, летѣли, какъ облитые кипяткомъ, кто въ прудъ, другіе въ шлюзы, иные въ болото, какъ могли, уходили; а между тѣмъ нашъ охотникъ, зашедши имъ въ тылъ, билъ ихъ, разилъ, такъ сильно на нихъ наступая, что поля трупами Козацкими устлалъ, и вѣрно бы тутъ наши Кривоноса вовсе уничтожили, но темная ночь наступила; почему наши отступать начали, загнавъ однако жъ Кривоноса въ таборы, гдѣ и онъ лучше защищаться началъ.

На другой день Кривонось опять вздумалъ со всею своею силою сдѣлать нападеніе на князя по той же самой переправѣ, гдѣ его князь съ своей стороны ожидалъ въ готовности; а увидя, что Козаки уже на плотину всходятъ, князь началъ притворно отступать, пока множество Козаковъ не перебралось черезъ плотину; а когда ихъ было уже достаточное число, тогда князь, оборотившись со своими непріятелю въ глаза, пустилъ ему огненные финфы подъ носъ и поподчивалъ оловяными пилюлями; а чтобъ лучше ихъ обратить на истинный путь и скорѣе перервать ихъ горячку, велѣлъ пус-

кать имъ кровь саблями. Бросилась кавалерія Польская и такъ геройски пластала хлопство, что кровью непріятельскою пѣнились поля, трупами заваленныя. За тѣмъ храбрые наши солдаты отбили пушки и половиною табора завладѣли, а старшину Козацкую связавши, привели къ князю; и тутъ бы наши совершенно уничтожили непріятеля, если бы снова ночь не помѣшала. Угощенный такими тремя стычками, Кривоносъ спустилъ носъ на квинту и съ уцѣлѣвшею сволочью убрался къ Хмельницкому. Князь, пошутивъ, такимъ образомъ, съ Козацствомъ, пошелъ къ Ямполю и поставилъ тамъ свое войско на отдыхъ, а самъ, между тѣмъ, для свиданія съ дѣтьми и женою, поспѣшилъ въ Збаражъ.

Когда это дѣлалось, примасъ, видя, что назначенное изъ воеводствъ первою конвокаціею войско лѣниво собиралось (ибо только около Люблина нѣсколько собралось) вторично учинилъ въ Варшавѣ конвокацію, на которой снова избрали комиссаровъ, между коими уже помѣстили и князя, желая этимъ наградить его за то, что прежде не выбрали его регименгаріемъ; только тутъ не ладно было, ибо уже очень много надѣлали начальствъ. А когда объ этомъ разсуждали въ Варшавѣ, съѣхались также нѣкоторые сосѣдственные паны въ Збаражъ; прибыли туда же съ своими полками воевода Подольскій, Конецпольскій, Калиновскій, Потоцкій, Чолганскій, также нѣкоторые Волыняне и Любляне; а тогда тѣ, которые имѣли повелѣніе отъ своихъ генеральныхъ регименгаріевъ итти подъ Глиняны, назадъ изъ Збаража къ Глинянамъ возвращаться не хотѣли, но порѣшили между собою итти съ княземъ Вишневецкимъ; и прежде чѣмъ они въ предположенный путь пустились, пришло извѣстіе „Баръ вырѣзанъ!“ Въ Барѣ вотъ что случилось: былъ тамъ оставленъ въ гарнизонѣ Броневскій съ цѣлымъ полкомъ, только онъ сильно надоѣлъ жителямъ и, наконецъ, со всѣмъ ихъ оставилъ, а тѣмъ временемъ прибылъ съ своими драгунами Юрій Потоцкій, сынъ гетманскій, и помѣстился частію въ замкѣ, частію въ городѣ, близъ воротъ. Между тѣмъ пришелъ къ Бару Кривоносъ съ своею чернью и едва подъ валами сталъ, высматривая мѣсто, откуда бы можно было штурмовать, какъ вдругъ безбожные горожане, питая въ сердцѣ своемъ ненависть къ Броневскому, бросились гурьбою и ворота Козацству отворили; ворвались тогда Козаки большою толпою, и, сперва перерѣзали солдатъ, бывшихъ въ городѣ, а потомъ вытаскивая, изъ домовъ и погребовъ нашихъ Католиковъ и Жидовъ, мучительски ихъ убивали. Погибло тамъ всего народу, считая съ Жидами, 1 т. 5 т. (?) Самъ же Потоцкій, сынъ гетманскій, продолжалъ защищаться въ замкѣ, но съ малою горстію людей (ихъ у него было только 200 драгунъ), и потому не могъ въ немъ выдержать сильнаго приступа. Однако жъ и 200 человѣкъ такъ мужественно держались и защищались, что, не поддаваясь, трупами Козацкими рвы наполнили; но за всѣмъ тѣмъ Козаки гдѣ-то около пруда пробравшись, ворвались въ замокъ и всѣхъ вырѣзали, кромѣ гетманскаго сына, котораго живаго взяли въ плѣнъ. Непріятель, набравъ тамъ множество церковныхъ утваревъ и городскихъ имуществъ, а также и пушекъ, покушался итти для завладѣнія Каменцомъ. Слыша объ этомъ пролитіи крови такого множества нашихъ людей, побитыхъ въ Барѣ, князь Вишневецкій изъ Збаража по-

спѣшилъ къ своему стану, гдѣ нашелъ уже гораздо больше собравшагося войска. Получено было также извѣстіе, что и другое Польское войско поспѣшаетъ къ Сокалу, которое, какъ только съ княземъ съѣхалось, такъ тотчасъ новоприбывшіе полковники и ротмистры умоляли князя, чтобы они подъ его командою оставаться могли, желая имѣть его своимъ гетманомъ; но князь, въ мудрыхъ своихъ разсужденіяхъ не принялъ этого и поблагодарилъ за привязанность; напротивъ того послалъ воеводу Кіевскаго подъ Глиняны къ гетманамъ, объявляя, что и самъ подъ ихъ начальство пойдетъ, только бы, соединившись, удалось спасти погибающее отечество. Исполнилъ Тышкевичь, Воевода Кіевскій, все, что ему князь поручилъ и все то гетманамъ сказалъ; тогда подъ Глинянами была люстрація войска, котораго тамъ переписано къ бою 30,000, а прочихъ людей могло считаться только три. Должно знать, что то собравшееся подъ Глиняны войско было отличное, потому что всякой украпался серебромъ и золотомъ весьма богато, саблями съ эфесами, осыпанными драгоцѣнными камнями, сбруею, саблями, дорого оправленными, и богатыми сѣдлами блистая. Но къ чему же все это послужило! По окончаніи люстраціи гетманы двинулись изъ подъ Глинянъ къ Пилявцамъ, гдѣ и князь Вишневецкій къ нимъ присоединился; но какъ несчастно было это соединеніе! Ибо, во первыхъ, стало войско лагеремъ между горами и долами, а къ этому несчастію и начальниковъ было много, и потому въ диспозиціи было замѣшательство къ которой всѣ начальники каждый по своему готовился, и между ними было великое разномысліе.

Понялъ Хмельницкій, что нехорошіе начальники въ войскѣ были и со всѣмъ своимъ войскомъ расположился станомъ у небольшой рѣчки, Пилявки, на равнинѣ; хотя и очень невыгодно расположилось наше войско, но не хотѣло оставаться въ бездѣйствіи и часто на непріятеля нападало. А какъ тамъ была плотина, вредившая Козацству, то Хмельницкій на той плотинѣ поставилъ нѣсколько пушекъ и довольно людей, чтобы они нашимъ переходить мѣшали. Однако Лящъ съ княземъ Корецкимъ съ тысячью охотниковъ, пробравшись гдѣ то сторонюю, печянно напали на станъ Хмельницкаго, и такое въ немъ произвели замѣшательство, что чернь весьма переполошилась. Когда фортуна одинь день нашему охотнику такъ послужила, то на другой день перемѣнила счастіе; потому что какъ только взошло солнце, пришло извѣстіе, что Хмельницкій со всею своею силою наступаетъ на наше войско. Испуганные тѣмъ, наши полководцы, не дожидаясь вѣрнѣйшихъ свѣдѣній, устроили свое войско и въ готовости ожидали. Но какъ послѣ солнечнаго восхода наступилъ великій туманъ, потому что одинъ другаго не могъ видѣть, то непріятель сидѣлъ тихо, готовя нашимъ лихо, а подъ вечеръ, когда эскадроны начали съѣзжать съ поля, послышался какой то шумъ въ станѣ Хмельницкаго, ибо въ бубны забили, въ сурмы и въ трубы заиграли и изъ пушекъ стрѣлять начали. Удивлялись наши, какая была бы причина такого торжества, ничего инаго не могли придумать, кромѣ того, что Ханъ Татарскій пришелъ съ войскомъ къ Хмельницкому, и для того Козаки его привѣствуютъ. И хотя паши не могли добыть вѣрнаго языка, однако жъ удалось поймать како-

го-то попа, который сказалъ, что Козацкое войско сильно было испугалось, когда вчера охотникъ Польскій такъ сильно его смѣшалъ, и уже Хмельницкій думалъ бѣжать; но что теперь пришли къ нему на помощь Татары, онъ ободрился и хочетъ на Польское войско напасть. Получивъ такое извѣстіе, наши полководцы сей часъ около стана сильныя стражи поставили. Хмельницкій, примѣтивъ, что наши весьма осторожно держатся, устроилъ полки свои и Татаръ, которыхъ было только 4,000, и то прежнихъ, съ переодѣтыми по Татарски нѣкоторыми Козаками и послалъ ихъ противъ нашихъ, которые какъ только великою толпою подъ наше войско подошли и съ чрезмѣрнымъ крикомъ закричали: Гала! Гала! такъ тотчасъ наши такъ крѣпко переполошились, что въ своихъ силахъ совершенно усомнились. Эта одна и пустая тревога нашихъ мучила, а другая та была, что на дурномъ мѣстѣ съ войскомъ стояли, а потому, что безо всякой основательной причины выступили изъ подъ Константинова; и такія въ сердцахъ своихъ ощутивъ опасенія, боясь потерять войско, уходить положили. Войско, замѣтивъ робость въ начальникахъ, страшно на нихъ роптать начало и единогласно избирало князя Вишневецкаго гетманомъ и генеральнымъ предводителемъ. Заплакалъ князь сердечно объ этомъ выборѣ, потому что уже не во время такую честь ему приписывали. Между тѣмъ смятенное войско начало уходить таборомъ; но какъ съ горы на гору и по грязнымъ долямъ переправа была затруднительна, и какъ Хмельницкій сильно наступать началъ, то стали бросать тѣ свои затѣйливыя имущества, кабачки и сервизы серебряные, богатыя сбруи, ордынки *, сабли богато золотомъ оправленныя, собольи, волчьи и рысьи шубы, кафтаны шелковые, Персидскіе пояса, однимъ словомъ, что только самаго любимаго быть могло; все то бросали, и съ величайшею поспѣшностію убѣгали. Понятно, какое тамъ множество молодежи Польской погибло; потому что одни ни разу передъ тѣмъ не бывъ въ оказіи, на перинахъ и пуховикахъ подъ шатрами нѣжились и вскочивши во время сумятицы, не зная, что съ собою дѣлать и куда уходить, отъ пикъ Козацкихъ сильно пострадали; а другіе топули въ болотахъ и жалостно погибали. Вотъ на что послужили тѣ имущества, взятыя въ станъ! Однимъ словомъ, весь нашъ станъ былъ совершенно уничтоженъ, и тѣ, которые изъ этой оказіи выйти могли, сами не знали, куда бѣжали.

Едва самъ князь Вишневецкій остановился во Львовѣ и бѣгущихъ недобитковъ частью просьбою, частью платою, а частью обѣщаніями удержалъ такъ что, по крайней мѣрѣ, не много войска съ княземъ подъ Львовымъ собралось, на пополненіе котораго князь занялъ у жителей Львовскихъ извѣстную сумму; а къ тому и монастыри, зная, что въ непродолжительномъ времени должны будутъ погибнуть, удѣлили князю на войско церковнаго серебра. Насбиравши такимъ образомъ войска, князь прежде всего старательно укрѣпилъ Львовъ, а самъ съ войскомъ двинулся къ Замойстью; тамъ, свидѣвшись съ женою и дѣтьми, пошелъ далѣе, только крѣпость Замойскую вооружилъ. Хмельницкій же, забравши въ покинутомъ подъ Пилявцами станѣ украшенія нашего войска,

* Татарскія особаго рода сабли.

двинулся изъ-подъ Пилавецъ къ Збаражу; съ нимъ соединился въ пути, шедшій полѣсьемъ Нѣмѣричь, съ множествомъ новыхъ Козаковъ, и стало тогда войска Козацкаго сто тысячь, съ которымъ (войскомъ) пришелъ къ Збаражу и нашелъ замокъ пустымъ; только въ немъ было пятьдесять пушекъ, много аммунніи и пороху, но ни одной живой души; потому Хмельницкій, забравши оттуда лучшія пушки, набралъ множество оставленныхъ тамъ имуществъ, а напослѣдокъ тѣла князей Вишневецкихъ изъ старыхъ гробовъ повыбросалъ, а въ особенности князя конюшаго и его супругу, вынувъ изъ склеповъ, велѣлъ поразбросать ихъ кости.

Изъ Збаража пошелъ Хмельницкій черезъ Броды къ Львову; въ Бродахъ въ замкѣ все опустошилъ, а напослѣдокъ два своихъ полка тамъ оставилъ. Львовяне, узнавъ, что въ скоромъ времени должны будутъ встрѣчать Хмельницкаго, снеслись съ Остророгомъ, своимъ комендантомъ, и выжгли предмѣстье; валы и стѣны уставили солдатами, а Бернардинскій монастырь самимъ же Бернардинцамъ оборонять поручили. Показался тогда изъ-за горы и Хмельницкій съ великимъ множествомъ Козаковъ и тотчасъ же началъ страшнымъ образомъ штурмовать городъ; но какъ ему Львовяне сильно отвѣчали порохомъ и оловомъ, сталъ онъ, будто бы жалѣть городъ, и потому предложилъ, чтобы онъ окупился и не доводилъ себя до погибели. Львовяне, видя, что не могутъ долго оборониться по недостатку продовольствія, а къ тому же и моровое повѣтріе началось въ городѣ, рѣшились дать непріятелю выкупъ; собрали горожане пополамъ съ монастырями значительную сумму денегъ и нѣсколько десятковъ поставовъ сукна и дали непріятелю на выкупъ. Взявъ то, Хмельницкій пошелъ отъ Львова къ Замойстью. Должно знать, что на этотъ выкупъ прихожане дали 280 гривенъ серебра, Езуиты 100, и кромѣ того позолоченную дарохранницу, Доминиканцы 205, Францисканцы 195, Бернардины ничего не дали, потому что они сами очень храбро защищались.

Когда, въ такомъ несчастіи находилось отечество, съѣхались паны и шляхта въ Варшаву для избранія короля; и князь примасъ, получивъ позволеніе говорить, сказалъ, чтобы ни къ чему не приступать, пока король не будетъ избранъ. Но какъ еще очень мало шляхты съѣхалось, то должны были ожидать прочихъ; а между тѣмъ придумали избрать генеральнымъ региментаріемъ князя Вишневецкаго, прося его, чтобы спасалъ падающее отечество, и для того послали къ нему Соколовскаго отъ всего круга (koła). Сенаторы и другіе паны написали къ нему, вызываясь удѣлить ему на войско собственныхъ своихъ сокровищъ, чего, впрочемъ, не исполнили, потому что ничего не дали. Вскорѣ потомъ избрали королемъ *Іоанна Казиміра I.* Избранный король тотчасъ же послалъ Езуита Анзельма съ письмами къ Хмельницкому, котораго онъ засталъ осаждающаго Замостье, отдалъ ему королевскія письма и объявилъ о избраніи короля. На что Хмельницкій, взявши письма, отвѣчалъ: „Того только я и „ожидалъ, чтобы у меня былъ ко„роль, къ которому бы я могъ при„бѣгать съ моими обидами; притомъ „на королевскія письма извинялся, „что эта война не имъ начата, но гор„дыми старостами и старшиною, ко„тораяпа съ всего болѣе Жидовскими „арендами притѣсняла и тѣмъ зло то

„причинила. Послушаюсь, однако, ко-„ролевскаго приказа, пойду съ моимъ „войскомъ назадъ, бывъ увѣренъ, что „король выслушаетъ мою жалобу.“ И такъ, на другой день Хмельницкій двинулся назадъ; а между тѣмъ въ Варшавѣ сенаторы съ королемъ положили, чтобы, покамѣстъ, съ Хмельницкимъ какъ нибудь примириться; по этому послали къ нему маститаго старца, Поляка Русина, Киселя, съ Меатковскимъ, предлагая ему отъ имени короля булаву и знамя, которые къ нему и пріѣхали. Сталъ Кисель говорить ему, но онъ безпрестанно его прерывалъ, а наконецъ и молчать велѣлъ. Послѣ такаго невкуснаго пріема нашихъ пословъ, пригласилъ ихъ, однако жъ на обѣдъ; за столомъ на короля и пановъ нашихъ, и на самыхъ пословъ руками похлопывалъ и скрежеталъ зубами. Однако наши мудрые послы своимъ смиреніемъ вымогли у него то, что до самаго Троицына дня обѣщался сидѣть спокойно, довольствуясь линіею для своего войска по Горынь; только это спокойствіе гораздо больше помогло ему, нежели нашимъ, ибо тѣмъ временемъ пришли къ нему Татары изъ Крыма. Самъ Хмельницкій, посредствомъ писемъ, сносился съ сосѣдними государями, кои къ нему пословъ прислали, поздравляя его съ военнымъ успѣхомъ. Особливо отъ Москвы прибылъ посолъ, прося Хмельницкаго, чтобы за одно съ ними сталъ противъ Поляковъ за вѣру Русскую и какой-то титулъ Царскаго Величества; также прибылъ другой посолъ отъ Ракоція, прося, чтобы онъ возвелъ его на Польскій престолъ. Хмельницкій обѣщалъ имъ обоимъ въ томъ помочь, и съ этимъ обѣщаніемъ посла отправилъ. Король, съ своей стороны, послалъ къ сосѣдственнымъ государямъ пословъ, увѣдомляя о вступленіи своемъ на Польскій престолъ и въ тоже время прося ихъ помощи противъ бунтовщика Хмельницкаго, представляя, что то, что сего дня съ нимъ дѣлается, въ коротком времени и съ ними дѣлаться будетъ, когда Хмельницкій усилится. Потомъ, король сдѣлалъ похороны Владиславу и отпраздновалъ свою коронацію. Хотѣлъ также король заблаговременно назначить гетмановъ; но, какъ въ избраніи ихъ паши не могли согласиться, ибо каждый домогался булавы, то король, видя это несогласія, самъ принялъ начальство надъ войскомъ, назначивъ себѣ трехъ региментаріевъ: Фирлея, Ланцкоронскаго и Остророга. Здѣсь тотчасъ князю Вишневецкому великая обида была нанесена тѣмъ, что его снова король оставилъ и региментаріемъ не сдѣлалъ, хотя онъ еще прежде того отъ примаса и республики былъ именованъ; и могъ бы тогда Вишневецкій, страшно оскорбленный, большой надѣлать бѣды, если бы его любовь къ отечеству не побѣдила.

Вышло за тѣмъ королевское повелѣніе Ланцкоронскому и Остророгу, чтобы они съ однимъ войскомъ шли къ Бару. Прибывъ туда, они выгнали Козаковъ изъ Бара, а также и ближайшіе города и замки отъ Козацкаго войска очистили; потомъ къ Шаргороду пришли и подъ городомъ стали. Увидѣвъ здѣсь наше войско, Козацство великою толпою изъ города противъ него высыпулось, желая истребить его совершенно; но наши такъ мужественно стояли, что

выдержавъ, первый порывъ Козаковъ, на нихъ напали и къ бѣгству ихъ принудили; а бѣгущихъ однихъ въ прудъ, въ промоины и болота загнали, а другихъ саблями пластали; и продолжалась та схватка до самой ночи. Не показалось нашимъ дальше за бѣгущимъ гультайствомъ гнаться, опасаясь какой-либо измѣны, и потому ту ночь посвятили отдыху. Снова вторично великая толпа гультайства собралась подъ Личницами, на разгромленіе которыхъ посланный Сенявскій счастливо ихъ покопалъ и всѣхъ вырѣзалъ. Фирлей также пришелъ къ Заславлю съ своею дивизіею и, услыхавъ тамъ, что Козакъ Дуницъ съ своимъ полкомъ идетъ прямо на него, котораго сестра его, чародѣйка, хотя и убѣждала, стократно крича: „Уходы! Уходы! Не здержышъ, брате!“ однако онъ, не обращая вниманія на то убѣжденіе, бросился, очертя голову, на нашихъ; но наши мужественно наступивши, ударили на таборы, много получили добычи, наконецъ самаго загнали въ городъ, ту колдунью поймали и велѣли палачу казнить ее.

Чарпецкій также на Полѣсьѣ подъ Степанцомъ, съ Могѣлецкимъ, напавъ на Козаковъ, истребили ихъ и разогнали. Пришло снова къ нашимъ извѣстіе, что Козакъ Тыша отъ Сучипецъ ведетъ огромныя толпы Козаковъ, противъ которыхъ посланные Ромашевскій съ Великополянами и Ливцанами съ Клодзинскимъ и Аксакомъ, подъ Хлопытынымъ встрѣтилися и тамъ сильно сразились. Тотчасъ Козаки одни въ лѣсъ убѣгать стали, а другіе, какъ рогатый скотъ, въ городъ вогнанны, но и оттуда пожаромъ были (szturmem ognistym) выкурены; прижали ихъ потомъ къ пруду, на которомъ ихъ наши, какъ утокъ по водѣ плывущихъ, стрѣляли такъ далеко, что кровью окрасилась вода, которой потомъ долгое время люди и скотъ не могли пить. Однако жъ изъ тѣхъ одинъ принципалъ ушелъ въ Корчикъ, гдѣ его наши догнали, Корчикъ сожгли, а его какимъ-то образомъ упустили; пушки и одинадцать знаменъ тамъ же взяли. Также Лащкоронскій, находившійся подъ Заславлемъ, узнавъ, что Кривоносикъ, того Кривоноса сынъ, съ значительнымъ числомъ Козаковъ, находится въ Острополѣ, тотчасъ же пошелъ на встрѣчу Кривоноску, который, не дожидаясь его за стѣнами, вышелъ въ поле и на нашихъ стремительно напалъ; но когда его наши нагнали, убрался въ городъ, засѣлъ въ немъ, частоколомъ укрѣпился, чернью уставилъ валы и рѣшился до послѣдняго оборонятьсѧ. Но когда наши сдѣлали тяжкій приступъ, то Козаки не могли выдержать его, бросили свои укрѣпленія — и въ Случь прыгали; другимъ наши живымъ головы рѣзали, а иные съ своимъ Кривоноскомъ въ замокъ вбѣжали; но, бывъ и тамъ прижаты, стали проситься изъ замка, въ чемъ и получили милость, и начальникъ Козацкій выкупился, а наши тѣмъ временемъ городъ и Козаками награбленную добычу, а также и обозъ, взяли. Едва объ этомъ дано было знать въ главный станъ, какъ вдругъ пришло веселое извѣстіе, что Пржіемскій съ Гелевичемъ городъ Козацкій, Звихатъ, совершенно вырѣзали; хотя съ самаго начала Пржіемскій объявилъ, что крови Козацкой не жаждетъ, но, какъ они были упрямы, то онъ самимъ Лѣснымъ Иказамъ (Lesnym Ikazom (?)) приказалъ за нихъ при-

няться, которые, прежде всего, зажгли городъ, а потомъ Козаковъ, какъ воробьевъ, при огнѣ душили; начальникъ ихъ, однако жъ, ушелъ какимъ-то труднымъ способомъ. За тѣмъ всѣ наши дивизіи собрались вмѣстѣ и стали лагеремъ подъ Константиновымъ. Снова получено было тамъ извѣстіе, что къ Межибору пришла безчисленная толпа Козаковъ; а должно знать, что въ замкѣ Межиборскомъ былъ комендантомъ Корфъ, съ Нѣмцами и полкомъ Сѣнявскаго; по этому и Ланцкоронскій, желая подать ему помощь, устремился къ Межибору; и видя, что Козаки уже аттаковали замокъ, напалъ на нихъ стремительно; тѣмъ временемъ и осажденные вышли изъ замка и, вмѣстѣ совокупившись съ Ланцкоронскимъ, храбро съ непріятелемъ сражались и порядкомъ ему подъ носъ порохомъ подкурили. Однако жъ, по причинѣ великаго множества Козаковъ и потому, что Хмельницкій съ большимъ войскомъ приближался, наши съ Ланцкоронскимъ возвратились въ свой станъ. Страшно переполошенъ былъ весь нашъ станъ прибытіемъ Хмельницкаго до такой степени, что одни лошадей для бѣгства выючили, а другіе уже и на лошадей садились; и едва ихъ начальники удержали, увѣривъ, что всѣ вдругъ цѣлымъ станомъ назадъ пойдутъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ скоромъ времени пошли къ Чолганскому камню, къ Збаражу, а потомъ, пришедши къ самому Збаражу, стали лагеремъ при верховьяхъ пруда, и замокъ, въ тылу лежащій, для защиты крѣпко вооружили.

Между тѣмъ, при распространившемся еще подъ Константиновымъ смятеніи, началось великое несогласіе между нашими начальниками, которое все болѣе и болѣе росло; ибо одинъ иначе, а другой также какъ ему правилось, распоряжался; только одинъ страхъ и замѣшательство въ войскѣ были; разъѣзды наши такъ неудачно ходили, что никогда языка добыть не могли; пошелъ было Гулевичъ съ партіею къ Вышгородку и случайно попалъ на князя Волоша; завидѣвъ его издали, рота Гулевича, полагая, что то была Орда, постыдно его бросила, такъ, что Гулевичъ едва съ нѣсколькими своими челяндинцами остался. Тоже самое случилось и съ Пигловскимъ, который, также изъ пустаго страха, гдѣ-то надъ промоиной потерялъ цѣлую хоругвь, отъ чего смятеніе росло болѣе и болѣе; сверхъ того не мало испугало и самихъ начальниковъ слѣдующее происшествіе: изъ небольшой тучи громъ ударилъ въ гетманскую хоругвь и полдревка разбилъ въ щепы; потомъ погонщики и многочисленная челядь взбунтовались изъ за того ли, что не хотѣли позволить господамъ губить въ домахъ своихъ, или потому, что хотѣли Хмельницкому передаться; но какъ между ними не было принципала, то наши скоро ихъ усмирили. Ахъ! очень бы плохо было нашимъ, если бы князь Вишневецкій не прибылъ, который, послѣ той Краковской непріятности, когда король, назначая себѣ иныхъ, отнялъ у него регментарство, а болѣе же всего потому, что на него выдумано, будто онъ, снесшись съ Ракоціемъ, что-то замышлялъ противъ отечества, уже дома, то есть, во своихъ помѣстьяхъ, умывши во всемъ руки, сидѣлъ спокойно; услыхавъ, однако жъ, о великомъ смятеніи въ Польскомъ станѣ сказалъ трогательную рѣчь въ такомъ смыслѣ, какъ его Твардовскій описалъ:

„Lećmy, dzieci, jeżeli nie słusznie mężami
Was nazwę pomniąc na to, czegom przedtém z wami
Chwalebnie dokazywał, lecz przepuśćcie niemu
Affectowi w téj mierze ku wam ojcowskiemu.
Bo nacóż się już chować i uchodzić mamy,
Kiedy i tu po chwili się nie utrzymamy?“

Когда онъ это сказалъ, стали его другіе уговаривать, чтобы онъ болѣе въ этотъ огонь не шелъ. Княгиня также упала ему въ ноги и на дѣтей указывала, чтобы для нихъ лучше сберегалъ жизнь и не очень бы за отечество выставлялъ себя на опасности. Превозмогло, однако жъ, все это его мужественное сердце, и, двинувшись съ своими, пришелъ въ Вишневицы, гдѣ къ нему присоединилось болѣе солдатъ; потомъ шелъ онъ къ Шишковицамъ и здѣсь сталъ лагеремъ, пока молодые князья, племянники его, не прибыли съ добрымъ отрядомъ войска и съ нимъ не соединились. Изподъ Шишковицъ князь далъ о себѣ извѣстіе гетманамъ и послалъ имъ пойманнаго его людьми языка, который сказалъ, что онъ самъ, собственными глазами, видѣлъ Хмельницкаго въ Камиѣ Чолганскомъ. Также, какъ нарочно къ этому, Остророгъ возвратился счастливо съ разъѣзда съ четырьмя пойманными реестровыми Козаками, которые тоже самое говорили о Хмельницкомъ, прибавляя, что онъ ожидаетъ только нѣкоторыхъ полковъ изъ Волыни, которые отправилъ было для загражденія проходовъ нашимъ, идущимъ отъ Люблина.

Паны, узнавъ о счастливомъ прибытіи князя, чуть не со слезами, черезъ посланнаго своего Лапцкоронскаго, просили, чтобы онъ, забывъ непріятности и простивъ нанесенныя ему обиды, для Бога и цѣлости отечества благоволилъ прибыть въ ихъ станы. Сердечно заплакалъ князь на тѣ просьбы и сначала отговаривался недостаткомъ амуниціи и продовольствія, но, наконецъ, далъ себя упросить и, какъ истинный сынъ отечества, забывая свои обиды, на другой день въѣхалъ въ генеральный лагерь, чѣмъ начальники и все войско было обрадовано; и нѣкоторыя хоругви, колебавшіяся и собиравшіяся бѣжать, прибытіемъ князя укрѣпились и воодушевились мужествомъ.

А тутъ и войско Козачье 10-го іюня, въ суботу, показалось въ истинно безчисленномъ множествѣ Козаковъ и Татаръ и къ нашимъ приближалось, противъ которыхъ и наши также изъ стана вышли и надлежащимъ образомъ построились. Сразились тогда сильно обѣ стороны, но наши имъ мужественно сопротивлялись, потому что Татаръ съ поля согнали и Трупета, великаго ханскаго воина (żołnierza), убили. Тогда Татары и Козаки отошли нѣсколько назадъ и довольствовались однимъ наѣздничествомъ, но и то имъ не удавалось. Наши же, потому что дурно укрѣпились, не соразмѣрно съ числомъ войска, цѣлую ночь надъ валами трудились; а между тѣмъ Хмельницкій съ Ханомъ подступалъ къ нашимъ, и на другой день со всѣми силами стремительно напалъ на наше войско. Но Фирлей, бывшій въ передовой стражѣ, изъ пушекъ привѣтствовалъ его и такъ славно подкурилъ порохомъ, что онъ долженъ былъ не много осадить; однако же

силы его были недостаточны противу такого страшнаго напора и уже весь станъ полагалъ, что старецъ Фирлей болѣе той Татарской силы не удержитъ; и потому всѣ стали молиться и провели въ томъ всю ночь. Держалъ Хану рѣчь хвастливый Хмельницкій, что непремѣнно въ пашемъ станѣ ночевать будетъ, но (при помощи Божіей) однако жъ того не исполнилъ; стыдился потомъ онъ за этотъ поступокъ передъ Ханомъ и на другой день придумывалъ иные способы. Для того обошелъ нашихъ съ Татарами вокругъ. Наши, видя, что ихъ такъ окружилъ Хмельницкій, отступили къ долинѣ и тамъ, за одну ночь, окопались новыми валами; на другой день рано Козаки и Татары очень жестоко напали, найболѣе съ той стороны, откуда наши еще несовершенно окопались; однако жъ, далъ Богъ нашимъ силы, потому что непріятеля отражали и, хотя Татары то съ той, то съ другой стороны, ворваться хотѣли, но, однако жъ, ни въ чемъ не успѣли. Но потомъ они всѣми силами ударили на крыло Фирлея, который ихъ уже много было побилъ, такъ, что все поле было завалено Татарскими трупами; и вѣрно бы Фирлей долженъ былъ уходить, но Ланцкоронскій съ Остророгомъ поспѣшили къ нему на помощь скорымъ шагомъ, стали подлѣ него и, продираясь по своимъ трупамъ, Татарской саранчѣ густымъ огнемъ не дали подойти близко и наступленіе ихъ прекратили; сомнѣваясь, однако, въ своихъ силахъ и возможности долѣе удержать занимаемое мѣсто, думали учинить отступленіе къ Збаражскому замку; но князь Іеремія Вишневецкій отсовѣтовалъ, утверждая, что гораздо лучше погибнуть въ полѣ, чѣмъ потомъ непріятель изъ замка ихъ вытаскивалъ бы за ноги и рѣзалъ имъ головы. Убѣждая такимъ образомъ, князь воскликнулъ: „Кому со мной умирать мило, за мной, братья! Пойдемте на это гультайство и утремъ-ка имъ не много посу!“ На это княжеское воззваніе выскочили челядинцы и погонщики, прежде чѣмъ солдаты добровольно вышли, и стремительно на непріятельское войско наступили. Тогда же подоспѣлъ съ своею хоругвью Собоскій, а съ нимъ Великополяне и такимъ образомъ счастливо Козаковъ разгромили; нѣкоторыхъ такъ жали и тѣснили, что они должны были бѣжать въ прудъ и топиться въ немъ. Видя то, уже съ большею бодростью другіе паши изъ окоповъ, какъ можно поспѣшнѣе, вышли и бить ихъ помогли; но, какъ чрезмѣрно много изъ нашего стана выѣхало, то начальники приказали трубить отбой, потому что опасались, чтобы другіе въ станъ не ворвались. Тогда воротились всѣ и, съ той поры, стали бодрѣе послѣ этой молодецкой вылазки князя.

Видитъ непріятель, что паши ему порядочный дали щелчокъ по посу, и немножко оробѣлъ. И потому Сефиръ-Каффи-Ага, канцлеръ Хана Татарскаго, подъѣхалъ къ нашему стану, приглашая къ дружескому разговору; на встрѣчу имъ выѣхалъ Конецпольскій. Тогда онъ началъ уговаривать нашихъ, чтобы они приступали къ договорамъ и не гибли понапрасну, говоря, что и самъ Ханъ, со всѣмъ войскомъ, своимъ, давно уговариваетъ Хмельницкаго поддаться и просить у короля прощенія. Понималъ Конецпольскій, что это только уловки и измѣна, и потому поблагодарилъ за усердіе такимъ образомъ: что мы еще не на краю погибели, чтобы клапяться

Хмельницкому, однако жъ отъ мира, при надлежащихъ условіяхъ, не уклоняемся. Но какъ самъ о томъ переговариваться не могъ, то прибылъ къ начальникамъ и имъ о томъ разсказалъ. Дней пять продолжались эти выѣзды и насъ Татаринъ, какъ дѣтей, забавлялъ, но, по крайней мѣрѣ, не провелъ, потому наши, не полагаясь на эти переговоры, старательно охраняли станъ. Тогда выпустилъ Татаринъ свои партіи и, забравъ по селамъ народъ, силою гналъ его передъ нашъ станъ, поражая нагайками. Хмельницкій также пріискивалъ всевозможные способы для отыскапія доступа къ нашему стану; для чего выслалъ пѣшій таборъ и тамъ, въ какой-то банѣ, наши его Козаковъ огнемъ погубили; тогда онъ первымъ таборомъ построилъ окопъ и вооружилъ его пушками, что сдѣлалъ и на другихъ мѣстахъ; а потомъ безчисленное множество тараповъ и для орудій баттареи велѣлъ подѣлать. Принимая это въ соображеніе наши были наготовѣ и, окончивъ построеніе другихъ валовъ, ночью заперлись за ними и оттуда непріятелю *Repersatum* давали. Тутъ снова посланный Ханомъ, Сеферъ-Кафъ-Ага, подъѣзжаетъ подъ валы, на встрѣчу коему Вишневецкій съ Лапцкоронскимъ выѣхали, и, опасаясь какой либо измѣны, поставили вдали полкъ, правда, Нѣмецкій. Едва только увидѣлъ передъ собою Вишневецкаго, Каффи-Ага началъ къ нему говорить въ такихъ выраженіяхъ: „Ты между „своими такой славный воинъ, въ „этомъ, столь маломъ, остаешься те„перь укрѣпленіи; желая спасти тебя „и твоихъ отъ немилуемой погибе„ли, предлагаю вамъ отъ Хана и „отъ Козаковъ миръ, требуя толь„ко, чтобы вы покорились Хану и „сложили оружіе.“ На что князь, грозно взглянувъ на него, хотѣлъ что-то отвѣчать ему сурово, но, укротившись, показалъ видъ, что благодаренъ за такія условія. Когда такимъ образомъ непріятель спереди морочилъ, Хмельницкій сбоку подвозилъ пушки, (tak gdy się nieprzyaciel elertuje w oczy, Chmielnicki z boku armatę toczy), которыя, пододвинувъ къ нашему стану, сильно началъ штурмовать; увидѣвъ это, князь сказалъ: „А вашъ „побратимъ, Хмельницкій, что это „дѣлаетъ? Знать, что на васъ пола„гается; а потому и тѣ.... которыя „вы намъ, будто, для мира предла„гаете, не надежны, потому что онъ „ихъ не приметъ, и потому вы пи„шете, какъ бы на вѣтрѣ; но, ежели „вы въ самомъ дѣлѣ намъ дружите, „то, вмѣстѣ съ нами, на Хмельницка„го устремитесь и войско его истре„бите; тогда мы васъ за то поблаго„даримъ и отслужимъ доброю друж„бою; и такъ если вамъ это нравится, „присоединяйтесь къ намъ чистосер„дечно и, съ этой поры, или намъ „будьте друзьями, или, не пробав„ляясь, сражайтесь съ нами!“ Услыхавъ это, Кафъ-Ага Татарскій притворился, будьто не зналъ, что на то отвѣчать и нарочно заговорилъ о другомъ; а князь, не желая того слушать, поворотилъ копя и возвратился въ станъ. Ночью Хмельницкій со всѣми своими силами наступалъ на нашихъ, но, при Божьемъ покровительствѣ, былъ исправно поколоченъ и ни съ чѣмъ возвратился назадъ.

Послѣ этого Ханъ, котораго Хмельницкій увѣрилъ, что нашихъ побѣдитъ и отдастъ ему, велѣлъ его за шиворотъ привести къ себѣ и сталъ его поносить за то, что онъ этою горсточкою Польскаго войска овладѣть не можетъ и его безполезно держитъ

съ значительною потерею въ людяхъ. За тѣмъ, намахавши ему, подъ конецъ, подъ носомъ, сказалъ: „Если ты мнѣ въ три дни съ Польскимъ войскомъ не раздѣлаешься, тогда самъ, своею особою и людьми твоими, за то поплатишься; и вмѣсто того, какъ ты мнѣ предлагалъ, чтобы заселить Крымъ Поляками, заселишь его своими Козаками.“ Проглотивъ это, Хмельницкій опрометью бросился къ арміи и побратимству своему и закричалъ: „Гей, „Козацы молодцы! Вотъ вамъ що до „уваги подаю, що мини Ханъ ка„залъ: же ежели му Поляковъ на „ясырь не дамы; то сами въ не„волю до Крыму пойдземы.“ Холопство, раздраженное этимъ въ высшей степени, собравъ во едино (do kupy) свои силы, всѣ разомъ, везя съ собою пушки, неся длинныя для валовъ лѣстницы, цѣпы и всякіе приборы, подступили, 19 іюля, подъ наши окопы и такой страшный штурмъ повели, что наши полководцы, отчаявшись въ своихъ силахъ, хотя и сильный отпоръ давали, однако же къ замкамъ отступить хотѣли. Но въ это время является, съ обнаженною саблею, Вишневецкій, и начинаетъ съ жаромъ говорить: „Кто тронется только съ „мѣста, тотъ или на мѣстѣ убитъ „будетъ, или меня на двое распла„стаетъ! Не попустимъ, ради Бога, „веселиться этому гультайству, но „лучше всѣ вмѣстѣ умремъ по ка„валерски!“ Сказавъ это, ободрилъ онъ войска, а между тѣмъ, князь Іеремія, съ Княземъ Дмитріемъ, бросившись изъ окоповъ, на подобіе ужасающаго грома, и самъ предводя противъ этихъ приступовъ, такъ на Козаковъ наступилъ и, острою размахивая саблею, такое великое число ихъ насѣкъ, какъ бы на обильномъ полѣ густыхъ пажалъ споповъ. Не смѣли тогда далѣе штурмовать нашихъ окоповъ и, покинувъ всѣ вышеупомянутые штурмовые приборы, суетиться и уходить стали; въ то время наши погонщики и вольница, увидѣвъ это, схватили поскорѣе головни и, къ немалому всѣхъ удивленію, зажгли тѣ ихъ баттареи. Увидѣвъ то, Татары поспѣшили на помощь съ своимъ крикомъ „Гала! Гала!“ и тѣспя передъ собою черни, сами на нашихъ наступили; и хотя наши кучи ихъ труповъ сравняли съ валами, но казалось, что этого скота не убавляется. Но ниспослалъ, однако жъ, Богъ бодрости и на дальнѣйшее: ибо Сѣнявскій съ подчашимъ пришли къ князю на помощь; но какъ онъ уже не много усмирилъ ту бурю, то потому встрѣтили его уже возвращающагося съ великою славою и, поздравивъ его съ побѣдою, какъ своего избавителя, пошли обратно съ нимъ въ станъ.

Тяжко печалился тогда Хмельницкій о томъ, что до того времени не могъ ничего сдѣлать, а Ханъ его принуждалъ. И потому снова покушался и безпрестанно нападалъ, штурмуя нашихъ, пока не взошло солнце; но потомъ, однако жъ, ничего совершенно не выигравъ, нѣсколько притихли, потому что наши во все время мужественно оборонялись и мало теряли народу; тѣхъ только не много погибло, которые за травою для лошадей изъ стана выѣзжали, гдѣ часто ихъ Татары арканами хватали. Однако жъ Хмельницкій видя, что ничего не можетъ сдѣлать, сталъ пріискивать другія средства провести нашихъ до тѣхъ поръ, пока что нибудь новое на ихъ погибель придумаетъ; а для того послалъ письма къ нашимъ предводителямъ, уговаривая ихъ будто бы къ миру и прося, чтобы кого

3769
Нен. Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

либо значительнаго прислали къ нему. Тоже самое сдѣлалъ и Ханъ посредствомъ своего Сафера, приглашая къ себѣ на переговоры. Паши послали къ нему, съ этого цѣлью, Киселя, старосту Черкасскаго, съ двумя поручиками, которые, прибывъ къ нему, стали говорить, допытываясь, за чѣмъ ихъ призвалъ; на это Хмельницкій сказалъ: „Никогда мнѣ въ голову не приходило, чтобы когда-либо посылать къ вамъ и просить о томъ, что вы теперь говорите; а я самъ васъ спрашиваю, за чѣмъ вы ко мнѣ пришли?“ Желая отвѣтить на этотъ вопросъ, посолъ началъ было рѣчь, но онъ, закачавши головою, сказалъ: „Молчи, не говори много! „Знаю, чего вы хотите: просите вы „меня о спасеніи вашей жизни; но, „прежде, чѣмъ то получите, выдайте „Вишневецкаго и Конецпольскаго, „ибо они одни виновники этого не„счастія; а сами вы выдьте всѣ изъ ста„на, совершенно безоружные, оста„вивъ всѣ свои вещи на выкупъ Ха„ну!“ Услыхавъ это, паши послы тяжко вздохнули и одинъ изъ нихъ сказалъ: „Мы будемъ молчать, и ни одного уже „слова отъ насъ не услышишь; но знай „и то, что если тебѣ наша кровь „вкусна, то ужъ воздвигни на насъ „и адскія войска; мы, уповая на Бога, „будемъ защищаться до послѣдняго.“ Сурово посмотрѣлъ Хмельницкій на апостоловъ, говорившихъ такимъ образомъ, и хотѣлъ было взять ихъ въ плѣнъ. Такъ бы непремѣнно и поступилъ, если бы Ханъ, сохраняя народное право, не отослалъ ихъ въ станъ съ своими Татарами. Раздраженный Хмельницкій съ Ханомъ снова въ самую темную ночь произвелъ сильный штурмъ и уже успѣлъ было оттѣснить нашу пѣхоту отъ пруда, такъ что было подрубилъ городской частоколъ, силою (gwałtem) добиваясь занять валы, и едва не ворвался на кровли и улицы; но горожане съ капитаномъ Машицкимъ кривулями и косами согнали непріятеля съ валовъ. Чѣмъ въ Козацкомъ войскѣ большое пораженіе учинили. А между тѣмъ и князь съ Ланцкоронскимъ приспѣли имъ на помощь; но услыхавъ, что Козаки за ними подъ валами стопали и свой народъ проклинали, возвратились въ станъ и такою вѣстью утѣшили все войско. Хмельницкій, видя что всѣ эти штурмы ему не удались, высыпалъ почью съ другой стороны апроши выше первыхъ; паши, увидѣвъ ихъ, не много оробѣли, однако жъ не пришли въ отчаяніе, потому что и тамъ его сильно изъ пушекъ привѣтствовали; и хотя, по причинѣ высоты валовъ, паши ядра часто черезъ Козаковъ переносились, однако ихъ wieńce z maku и гранаты сверху доставали; но они гораздо больше причиняли нашимъ вреда, потому что, подкравшись, арканами докучали, такъ что никому нельзя было высунуться (wychylić sie) изъза вала. Тутъ погибли Зборовскій, Сѣраковскій, Шварчевскій, Свѣклинскій, Злоцкій, Дзѣржекъ, Гатармъ и Подгорипскій; не менѣе того погибло также нашихъ въ станѣ, особенно тѣхъ, которые выходили за водой къ пруду, ибо не одинъ изъ нихъ своею кровью и жизнію заплатилъ за воду. А къ тому и голодъ наступилъ въ нашемъ станѣ, а далѣе сильныя болѣзни стали опустошать, и людей безпрестанно болѣе убывало. Придумали было паши вожди по этѣмъ причинамъ уйти съ войскомъ съ поля въ замокъ и городъ и тамъ какимъ нибудь образомъ защищаться. Но князь снова отклонялъ ихъ отъ этого, а наконецъ закричалъ: „Кому дѣло идетъ не о доб-

лести и стыдѣ, тотъ пусть уходитъ! „Я же съ своими останусь здѣсь. „Потому что чего же другаго непріятелю и нужно, какъ не того, что„бы мы оставили ему поле, а сами „заперлись въ городъ и замокъ, от„куда онъ насъ, какъ грибы изъ лу„кошка, безъ затрудненія вытаскаетъ „какимъ нибудь образомъ?“ Сказавъ это, добился князь, по крайности, того, что остались на мѣстѣ, больныхъ только отправили въ замокъ, а сами отступили въ другія апроши, въ которыя вошли ночью. Непріятель, замѣтивъ это, подошелъ къ нашимъ таборамъ и не мало забралъ ихъ съ возами. Потомъ Хмельницкій снова аттаковалъ нашъ станъ, расположенный на новомъ мѣстѣ; но какъ не могъ успѣть, то снова насыпалъ выше прежнихъ валы и апроши къ городу, чтобы его непремѣнно вмѣстѣ съ замкомъ взять. Наши давали ему всяческій отпоръ, но также, выбиваясь изъ силъ, невольно опускали руки. Князь снова одушевляетъ оробѣвшихъ, чтобы оборонялись еще долѣе; а самъ, сообразивъ, что непріятель, держа нашихъ, какъ въ горсти, безпечно поконился въ своемъ станѣ, вызвалъ охотниковъ и, съ племянникомъ своимъ, Дмитріемъ, ночью напалъ на Козацкій станъ, и найдя ихъ, однихъ спящихъ, а другихъ опьянѣвшихъ отъ Тютюницкаго (Tutiuniśkiego) и одурѣвшихъ отъ Табачинскаго (Tabaczyńskiego), началъ ихъ рѣзать и убивать, такъ что Козаки, не зная, со страху, что съ ними дѣлается, бѣгали, какъ угорѣлые, думая, что или Татары противъ нихъ взбунтовались, или что самъ король съ новымъ войскомъ на нихъ напалъ. Когда наши поколотили, такимъ образомъ, весь непріятельскій станъ и тѣ непріятельскіе шанцы завалили Козачьими трупами, взявъ при томъ 18 хоругвей и два бунчука, счастливо въ станъ возвратились, тогда наше отчаявшееся войско снова пришло въ себя. По примѣру князя, Ланцкоронскій также славный совершилъ подвигъ, ибо, напавъ на спящихъ Козаковъ, много ихъ вырѣзалъ и самъ съ великою славою возвратился въ станъ. Остророгъ хотѣлъ такимъ же образомъ отличиться, но счастіе ему не послужило, потому что много потерялъ людей; это вознаградилъ Ланцкоронскій, который, примѣтивъ неосторожно стоявшую чернь, какъ молнія устремился на нее изъ города и 1000 холопства положилъ на мѣстѣ, взялъ четыре передніхъ знамени и съ пятью языками къ своимъ возвратился; отъ этихъ языковъ наши узнали, что король съ войскомъ уже близко и что Татары своими глазами его видѣли. Приведенный въ отчаяніе такою новостью, Хмельницкій готовится къ отступленію и уже самые тяжелые возы отправилъ въ Горынь. Это извѣстіе, полученное отъ пойманныхъ, немного развеселило нашихъ; но какъ наши военачальники тому не довѣряли, то въ скорости узнали продѣлки Хмельницкаго; потому что онъ тихомолкомъ готовился къ приступу слѣдующею уловкою: приготовилъ носилки (maty) съ хворостомъ, въ которыя, позапрягавши холопство, погналъ къ нашимъ окопамъ, приказавъ имъ кричать „Минуй Польскій станъ! Про„ѣзжай далѣе! Больше добывать По„ляковъ не будемъ, потому что ко„роль ихъ съ великимъ войскомъ при„ближается.“ Обманывая нашихъ такимъ образомъ, притворился, будто уходитъ и пушки бросаетъ; наши, однако, съ недовѣрчивостію на это смотрѣли и внимательно наблюдали, что будетъ далѣе. И вдругъ Хмельниц-

кій, подступивъ подъ наши валы, неожиданно показался изъ своихъ апрошей, на которыхъ поутыкалъ дерномъ свои штурмовыя лѣстницы, а изъ хвороста, который былъ на тѣхъ, будто бы убѣгавшихъ, посилкахъ (marach), повыстроилъ высокія, какъ горы, баттареи для орудій. Тогда такою уловкою очень тѣсно обложилъ нашихъ, ибо могъ уже ихъ въ станѣ пересчитать и какъ куръ въ корзинѣ перебить. А холопство, стоявшее близко, кричало: „Зачѣмъ вы до сихъ поръ „не сдаетесь, Ляхи, и готовите изъ „вашихъ тѣлъ пищу для воронъ? „Зачѣмъ вы не отдаете свой обозъ „Татарамъ въ добычу? Напрасно „только свои рубашки деретe, про„водя ночи безъ сна. Вотъ что вамъ „надѣлали подать съ ульевъ, съ ро„гатаго скота, аренды, подать съ „позволенія жениться и съ мѣльницъ; „вотъ какъ вамъ теперь запѣли Ко„заки!“ Наши, и безъ того потерявшіеся, такимъ разговоромъ еще болѣе смутились и всѣ отчаяваться стали, особенно потому, что у нихъ мало было пороху и пуль, а къ тому же голодъ и болѣзни ихъ терзали. Но князь, имѣя возвышенное сердце и неустрашимый духъ, сильно воодушевлялъ нашихъ, увѣряя, что чрезъ три дня король пріѣдетъ, другимъ, приводя на память прежнія славныя дѣла, и самую смерть для отечества дѣлалъ сладостною; притомъ офицерскія и солдатскія палатки обходилъ, упрашивая, чтобы, ради любви къ отечеству, какъ могли, держались; и такія сообщалъ вѣсти, что будто король съ войскомъ находится уже у Белза, хотя въ самомъ дѣлѣ этого не было. Сверхъ того, чтобы войско осталось при его внушеніяхъ, употребилъ слѣдующую уловку: приладилъ къ стрѣлѣ письмо будто бы отъ какого-то Поляка, находящагося при Хмельницкомъ, и уговорилъ надежнаго человѣка своего, чтобы онъ незамѣтно ту стрѣлу такъ пустилъ, чтобы она упала передъ его шатромъ въ то время, когда онъ будетъ разговаривать съ офицерами. Когда такое письмо передъ шатромъ княжескимъ съ стрѣлою упало, онъ, будто удивясь, сталъ при всѣхъ публично читать то письмо, слѣдующаго содержанія: „Я, природный Полякъ, желая „добра моему отечеству, хотя те„перь и считаюсь въ службѣ Хмель„ницкаго, извѣщаю васъ, мои братья „Поляки, что вашъ король похо„дится въ 5 миляхъ отсюда; почe„му Хмельницкій съ Татарами въ „сильной тревогѣ, и хотя васъ штур„муетъ, но дѣлаетъ это для того, „чтобы поскорѣе васъ захватить. „И такъ не робѣйте, выдерживайте „осаду: Богъ и король освободятъ „васъ изъ этой неволи!“ Этою княжескою уловкою весьма утѣшенное войско, ободрилось, а потомъ сдѣлалась еще большая радость отъ того, что Хмельницкій перенесъ свой станъ подъ Старый Збаражъ, показывая видъ, будто бы намѣренъ, обороняясь, отступить къ Пилявцамъ. Наши всему этому повѣрили, надѣясь на прибытіе короля; но этотъ негодяй хотя и перенесъ станъ подъ Старый Збаражъ, однако жъ не трогалъ тѣхъ Козаковъ, которые передъ нашими валами въ апрошахъ сидѣли; а они частой стрѣльбой чрезмѣрно безпокоили городъ, такъ что башни, церкви, частоколъ были близки къ паденію; и въ самый костелъ, гдѣ всего чаще укрывались, стрѣляли частымъ пушечнымъ огнемъ; а къ тому жъ уже къ самому городу непріятель подобрался бы, если бы какой-то Бутлеръ того не замѣтилъ. Для чего бы-

стро въ томъ мѣстѣ открылъ пальбу (ogniem zakurzył) и непріятеля оттѣснилъ; чѣмъ наши снова были встревожены, и тѣмъ единственно разгоняли свою тоску, что говорили другъ другу: „Видно, что король уже не далеко съ войскомъ, и отъ того непріятель такъ насъ безпокоитъ.“ Наши военачальники, находясь въ такомъ несчастіи, объявили, что, если бы кто нибудь рѣшился пойдти и какимъ ни было бы образомъ пробраться къ королю съ письмами, тотъ съ великою честію получилъ бы награжденіе; всѣ боялись взяться за это, потому что и птицѣ трудно было пролетѣть. Однако же отдалъ для отечества на произволъ случая жизнь свою какой-то Скржетускій, переодѣвшись по крестьянски, взялъ письма отъ военачальниковъ къ королю, а, пустившись черезъ ровъ вплавь, какъ-то его счастливо переплылъ; выдавая себя за истого Русина, добрался za łożyic, а потомъ дальше по почтѣ поѣхалъ къ королю. Король въ то время находился уже въ Топоровѣ, безполезно ожидая посполитаго рушенья, которое, послѣ долгихъ увѣщаній, едва въ томъ мѣстѣ собралось. Тяжко, однако жъ, король печалился, что не имѣлъ еще такихъ силъ, которыми бы могъ разгромить; не менѣе тревожило его и то, что не получалъ никакого извѣстія отъ осажденнаго войска подъ Збаражемъ, къ которому хотя и приказывалъ людямъ отважнымъ пробраться, но, однако, ни одинъ не привезъ извѣстія, потому что либо самъ погибалъ, либо ни съ чѣмъ возвращался. Когда король находился въ такомъ огорченіи, является передъ нимъ, въ крестьянскомъ платьѣ, Скржетускій. Король, выразумѣвъ изъ присланныхъ писемъ, что изнуренное то войско болѣе держаться не можетъ и ради Бога проситъ объ избавленіи, пустился, какъ можно скорѣе, спасать ожидающихъ гибели, и, не ждя своихъ посполитцевъ (которые изъ домовъ лѣниво выѣзжали), поспѣшалъ днемъ и ночью. Однако жъ прибыли къ нему нѣкоторые изъ воеводства Русскаго, Волынскаго и Белзскаго, а другіе медленно составляли сеймики и дѣлали свои сборы, о чемъ король страшно сожалѣлъ; и чтобы ему возможно было дождаться большаго числа войскъ, нарочно шелъ на Бѣлый Камень и своротилъ ко Львову для лагерныхъ удобствъ. Къ тому же и то короля задержало не мало, что большіе дожди шли безпрерывно цѣлую недѣлю, отъ чего дорога весьма попортилась и таборы медленно черезъ болота переплавлялись, потому что у нихъ кони въ возахъ попристававали. А сверхъ того всего сильнѣе тревожило короля то, что не зналъ о Хмельницкомъ, гдѣ онъ находится и что дѣлаетъ. Но Хмельницкій, получа уже о королѣ извѣстіе, приказалъ, чтобы никто подъ опасеніемъ смертной казни, не выходилъ изъ лагеря, потому что рѣшился предупредить короля. Король находясь отъ того въ замѣшательствѣ, не могъ знать, какъ и какою стороною идти къ осажденнымъ; но чтобы скорѣе ихъ спасти, самъ велъ войско, котораго самаго отборнаго, могло простираться съ небольшимъ за 20,000, самъ устроивалъ его въ боевой порядокъ и стражи разставлялъ, заблаговременно безпрестанно муштровалъ и училъ, какъ должно помнить свое мѣсто въ шеренгѣ, какъ однимъ за другими наступать, какъ эскадронами заѣзжать, какъ подавать другимъ помощь; но какъ во всемъ самъ не могъ успѣвать, то сдѣлалъ великимъ генераломъ канцлера

Осолинскаго, лѣвое крыло войска отдалъ въ распоряженіе Подольскому и Белзскому воеводамъ, а въ другихъ мѣстахъ также поназначалъ командировъ, самъ же остался при корпусѣ посполитцевъ и такимъ порядкомъ расположилъ войско подъ Зборовымъ. Но какъ ненастье, продолжавшееся цѣлую недѣлю, слишкомъ попортило всѣ дороги, а рѣка Стрыпа, со стороны Езерищъ, очень разлилась, то, по этому самому, король съ войскомъ пріостановился; а между тѣмъ на канунѣ Успенія Пресвятой Богородицы со всѣмъ войскомъ причастился Святыхъ Христовыхъ Таинъ; послѣ чего, сдѣлавъ совѣтъ съ старыми воинами, какимъ образомъ наступать на непріятеля, произнесъ къ войску весьма трогательную рѣчь, приводя всѣмъ на память неизбѣжную гибель отечества въ случаѣ, ежели съ Хмельницкимъ храбро не сразитесь, напоминая позорное пораженіе подъ Пилявцами, взятіе въ плѣнъ гетмановъ, опустошеніе шляхетскихъ домовъ, жестокосердое умерщвленіе невинныхъ, наслованіе Козаками шляхетскихъ паннъ, убійства священниковъ, поруганіе святыни и проч. Окончивъ рѣчь, король сдѣлалъ войску распоряженіе, какимъ строемъ должно оно завтра, рано поутру, выступить. Но въ то время далъ кто-то знать, что непріятель уже находится только за нѣсколько миль; король, желая лучше о томъ развѣдать, послалъ Гдешинскаго, стараго воина, но онъ ничего не сдѣлалъ. Король, однако, цѣлую ночь стоялъ съ войскомъ въ готовности, а на другой день, со всѣмъ войскомъ, въ самой день Божіей Матери, двинулся къ Езерцамъ въ такомъ порядкѣ: прежде всего выслалъ весьма рано передовую стражу, за нею велѣлъ идти Корецкому съ больнимъ полкомъ, потомъ при пѣхотѣ шла артиллерія, самъ же находился при посполитцахъ, а Коржицкій шелъ въ арріергардѣ. Когда устроенное такимъ образомъ войско переправлялось черезъ какое-то...., пришло извѣстіе, что Хмельницкій и Ханъ Татарскій съ великою силою идетъ противу короля, оставивъ тѣхъ Збаражскихъ бѣдняковъ въ надежной осадѣ. И прежде, чѣмъ половина нашего войска успѣла переправиться, показался Хмельницкій съ Татарами и, увидѣвъ, что наше войско переправляется, съ великою силою ударилъ на наши таборы, при которыхъ произошелъ жестокой бой; наши, не могли скоро устроиться, отдали сперва на истребленіе пѣхоту и пушки и даромъ ихъ погубили; потомъ Сапѣговы хоругви до основанія погибли съ начальникомъ своимъ, Тышкевичемъ. Къ нимъ пришли вскорости на помощь Осолинскій, Ржечицкій и Уржендовскій, но и тѣ даромъ народъ потратили, потому что и сами такимъ же образомъ погибли. Тамъ же Львовяне, Перемышляне и Сяночане разстались съ этимъ свѣтомъ; и какъ жены выпроводили ихъ съ плачемъ на посполитое рушенье, такъ уже болѣе съ ними не видались. И такъ тотъ первѣйшій цвѣтъ Польской шляхты, былъ стертъ рукою враговъ, отъ чего въ Польшѣ осталось не мало вдовъ, а также воеводства и повѣты были пусты, оставшись безъ своихъ принципаловъ. Такая-то помощь отъ посполитаго рушенья! Когда непріятель занимался этою несчастною рѣзнею, король, между тѣмъ, устроилъ переправлявшееся войско, поручивъ правое крыло воеводѣ Подольскому, а лѣвое Любомирскому, впереди же

поставивъ Корецкаго. Увидѣвъ это, непріятель сильно ударилъ на Корецкаго, который мужественно сражаясь, долго не хотѣлъ уступить ни шагу; но, наконецъ, отступилъ отъ вооруженныхъ людей къ самому королю. Видя это, наши начали разсыпаться (pryskać) и уходить; но король, обнажа саблю, началъ суетиться по стану, крича, чтобы не дѣлали стыда. Для чего однихъ зовомъ останавливалъ и убѣжденіемъ, другихъ схвативши коня за поводья и поворачивая назадъ; наконецъ, самъ, съ обнаженнымъ оружіемъ, началъ вести войско впередъ и поражать непріятеля. Но и здѣсь, послѣ долгаго сопротивленія, постыдно отступать начали и что-то стало похожее на Пилявецкое пораженіе. Однако жъ король безперерывнымъ зовомъ, просьбою и бранью, какъ могъ, удерживалъ войска, а тутъ и канцлеръ прибылъ съ своимъ значительнымъ полкомъ и съ тѣми полками, которые оставались въ тылу. Тогда наши такой сильный непріятелю дали отпоръ и такъ его поражали, что прежде, чѣмъ солнце зашло, согнали его съ поля. Потому что и тѣ, которые уходить хотѣли, стремительно кипувшись, разили непріятеля. Но трудно было нашимъ побѣдить этого дьявола, потому что снова пришло къ нему на помощь изъ-подъ Збаража около полутораста тысячъ Татаръ и Козаковъ, и хотя уже онъ нѣсколько спустилъ было носъ на квинту, но, однако жъ, на другой день снова съ Хапомъ, обступивши уцѣлѣвшіе остатки нашего войска, сильно на него наступалъ со всѣми силами. Въ этой схваткѣ прошелъ цѣлый день, а оставшееся войско было въ очевидной опасности, равно какъ и самъ король. По этому-то наши, не зная сами что дѣлать, составили съ королемъ совѣтъ, а король, не слѣзая съ коня, съ совѣтниками сеймиковалъ, что въ такомъ случаѣ дѣлать, когда Хмельницкій такъ грозно торжествуетъ, имѣя триста тысячъ войска съ Татарами. Тогда одни совѣтовали, чтобы короля тайкомъ изъ стана увезти, другіе желали, чтобы онъ написалъ письмо къ Хану въ самыхъ лестныхъ и трогательныхъ словахъ, отклоняя его отъ союза съ Хмельницкимъ; третьи же предлагали вооруженною рукою пробиться сквозь непріятельскій строй и пойти куда либо съ королемъ, ища обороны. Однако, порѣшили на томъ, чтобы написать къ Хану письмо, преисполненное лести. Тогда король написалъ посланіе въ такомъ смыслѣ:

„Іоаннъ Казиміръ Крымскому
„Хану шлетъ здравіе.

„Такъ какъ ты много обязанъ по„койному моему брату, Владиславу, „что онъ, имѣя тебя у себя въ плѣ„ну, по царски съ тобою обходил„ся, и свободно тебя отпустилъ въ „твое государство, въ которомъ ты „нынѣ и царствуешь, то по этому„то я очень удивляюсь, что ты все „это забылъ, и я, возставши теперь „противъ моего измѣнника Хмель„ницкаго, застаю тебя за одно съ „нимъ, обнажающаго саблю про„тивъ меня; будучи правъ, я ни ма„ло не страшусь ея, видя, что ты „самъ очень мало получаешь отъ то„го пользы, и Богъ не можетъ бла„гословить твое ожесточеніе. Одна„ко, если ты желаешь быть при„знательнымъ къ моей дружбѣ, то „я тебѣ предлагаю мою пріязнь, и „весьма буду радъ, когда сдѣлаешься „моимъ другомъ, а Хмельницкаго „оставишь.“

Король, отправивъ съ таковымъ письмомъ плѣннаго Татарина, самъ

въ ту ночь, не ложась спать, попрялъ ослабленные строи, объѣзжая хоругви и все войско; и когда уже окончательно увѣрился, что воевать было печѣмъ, то приказалъ войску, какъ можно скорѣе, окопаться; но тогда въ войскѣ поднялся ропотъ, будто король съ старшиною тайно уходитъ. Отъ того король, услышавъ объ этомъ, снова показался войску и объявилъ, почти присягнулъ, что съ ними вмѣстѣ желаетъ или жить, или умереть. Тѣмъ онъ снова удержалъ думавшее убѣгать войско и всѣхъ ободрилъ. На другой день рано Хмельницкій очень сильно на нашихъ ударилъ, особенно на таборы, однако жъ, наши имъ дали отпоръ. И то также достойно быть упомянуто, что, когда король находился въ Зборовѣ, то оставилъ тамъ для защиты города 400 драгунъ. Тамъ напали на нихъ Козаки и сильно потѣснили; драгуны, не могши выдержать натиска, послали къ королю, чтобы онъ ихъ спасалъ; а король, не будучи въ силахъ разорваться, вызвалъ охотниковъ; собрались подъ знамена челядь обозная, вольница и погонщики, стремительно бросились къ переправѣ и, напавъ подъ городомъ на гультаевъ, грабившихъ наши возы, не только ихъ отогнали, но и цѣлое поле устлали ихъ трупами. Драгуны, увидѣвъ это, также сдѣлали вылазку съ своими погонщиками и укрѣпившееся было гультайство совершенно вырѣзали. Въ этомъ былъ предводителемъ, хотя рукъ своихъ священническихъ не осквернилъ. Езуптъ Лисецкій, съ которымъ тѣ же погонщики и вольница еще дальше за ними гнались и такъ сильно непріятеля тѣснили, что всѣ передъ ними уходили, а они ихъ съ тылу крѣпко поражали. Тутъ должно замѣтить, что̀, при хорошемъ начальникѣ, всякая челядь сдѣлать можетъ.

Такимъ образомъ, непріятель, не успѣвъ въ обоихъ своихъ предпріятіяхъ, и не имѣя способа вознаградить свою неудачу, ударилъ, съ величайшею яростію, на самаго короля; и сперва заѣхавъ спереди съ Татарами, забавлялъ однимъ наѣздничествомъ; а послѣ скрытными рытвинами перевелъ часть войска къ церкви, прилегавшей къ тому мѣсту, которую тотчасъ вооружилъ орудіями и людьми, а самъ все ближе и ближе подвигался къ нашимъ; а видя, что валъ со стороны пруда былъ еще не конченъ, вышеупомянутый канцлеръ то замѣтилъ и приказалъ тѣ дыры заслонить возами; но, однако жъ, прежде нежели это было исполнено, непріятель все смѣшалъ и, особливо съ той церкви, очень тяжко нагрѣвалъ нашъ станъ, а потомъ сталъ нападать и на окопы, на которые чернь часто врывалась; впрочемъ, наши ихъ копьями сверху поражали. Долго продолжалась эта великая и ужасная буря, съ большою съ обѣихъ сторонъ пальбою, пока непріятель, потерявшій въ слѣдствіе этого сопротивленія фантазію, спустилъ носъ на квинту, когда наши подчивали его пулями и трупами непріятельскими поле устлали; и долженъ былъ негодный Хмельницкій, по причинѣ великаго урона, радъ не радъ, ретироваться назадъ; и хотя приказалъ своимъ полкамъ безпрестанно нападать на нашъ станъ, но, однако жъ, рѣшительно ничего не могъ сдѣлать. Ханъ, видя такую въ нашихъ отвагу, теперь только далъ отвѣтъ на то королевское письмо; въ этомъ отвѣтѣ сознавался, что онъ очень много обязанъ брату его, Владиславу, а причину своего союза съ Козаками

объяснялъ тѣмъ, что Король не призвалъ его въ помощь; значитъ, что имъ презиралъ; но, не смотря на то, что онъ находится въ теперешнемъ предпріятіи, обѣщался, однако, примириться, если король проститъ Хмельницкаго, а ему отдастъ давно задержанные подарки. И этотъ отвѣтъ послалъ Ханъ съ тѣмъ же самымъ Татариномъ. Также и Хмельницкій написалъ отъ себя письмо къ королю, извиняясь, что не онъ былъ причиною войны, и обязывался, на извѣстныхъ условіяхъ, все утишить и испросить у короля прощеніе. Едва такія письма были отданы королю, какъ тотчасъ Ханскій канцлеръ, протрубивъ въ трубу, подъѣхалъ къ нашему стану и ожидалъ, чтобы и нашъ канцлеръ равно выѣхалъ къ нему для переговоровъ. А потому и приказалъ король нашему канцлеру выѣхать съ двумя полками; которымъ, какъ скоро они довели его до той долины, гдѣ ожидалъ Ханскій канцлеръ, приказалъ остановиться и стать не въ далекѣ въ парадѣ, и потомъ его привѣтствовалъ. Тотъ также, по своему обычаю, наклонилъ голову, и объявилъ о Ханской дружбѣ..... нашу также отъ своего короля свидѣтельствовалъ; потомъ предложилъ два условія для заключенія мира: чтобы король простилъ Хмельницкаго, а Хану отдалъ обѣщанные отъ прежнихъ королей подарки. И когда нашъ обѣщалъ сказать объ этомъ королю, то оба разъѣхались, условившись завтра снова на тоже мѣсто пріѣхать.

И такъ, когда начались переговоры, то, съ обѣихъ сторонъ, замѣтили сигналы будущаго мира. Три ночи сряду и тамъ и здѣсь господствовало спокойствіе, однако жъ наши были осторожны, ибо боялись измѣны. На другой день уполномоченные канцлеры опять съѣхались и на слѣдующихъ условіяхъ заключили миръ: 1-е Чтобы король съ Ханомъ былъ въ вѣчномъ союзѣ; 2-е Чтобы король изъ своей казны все то выплатилъ Татарамъ, что имъ изъ прежняго его предшественники удержали; 3-е За тѣмъ, чтобы самъ король исправно всякой годъ имъ выплачивалъ; 4-е Ханъ обязывался королю, за этотъ ежегодный доходъ, давать на всѣ потребности войско; 5-е Что Ханъ сейчасъ же выйдетъ изъ Польши; 6-е Чтобы Ханъ больше не воевалъ съ Поляками, и ни съ какимъ монархомъ безъ короля и его соизволенія ни о чемъ не сносился; 7-е Чтобы король покорившагося Хмельницкаго съ Козаками благосклонно принялъ на тѣхъ условіяхъ, которыя онъ особенно въ своемъ прошеніи изложитъ. Когда канцлеры совершенно это окончили, тогда, по обычаю миръ въ войскѣ былъ объявленъ и обыкновенный *aplausz* продолжительною пальбою отпразднованъ. Хмельницкій, присутствовавшій также при тѣхъ трактатахъ, прислалъ къ королю двухъ своихъ полковниковъ для испрошенія прощенія и подачи челобитной, которымъ король, сѣвъ, по обычаю, на престолѣ, подъ драгоцѣннымъ наметомъ, далъ аудіенцію; они же, пришедъ предъ короля, пали на колѣни, сознавались въ своей винѣ, просили о милосердіи и челобитную Хмельницкаго положили у его ногъ. На что канцлеръ отвѣчалъ имъ отъ имени короля, что, хотя они достойны неумолимаго наказанія, однако, король, по своей добротѣ и по ходатайству (istancya) Хана, все прощаетъ. Отпустивъ этихъ Козацкихъ пословъ, наши немедленно приступили къ разсужденію о Хмельниц-

комъ, въ челобитной котораго одинъ пунктъ больше всего казался неисполнимымъ, а именно, вмѣсто того, что прежде казна королевская давала ежегодно Козакамъ 10,000, теперь, чтобы было реестровыхъ Козаковъ 40,000, которымъ бы плата отъ республики исправно доставлялась. Долго король съ своими совѣтниками объ этой матеріи думалъ и не хотѣлъ уступить, но, видя неотразимый штыкъ, долженъ былъ согласиться и на это тяжелое и всегда гибельное для отечества условіе, ибо и такъ уже дѣло было на волоскѣ и чуть не разорвалось.

Хмельницкій, достигнувъ того, чего желалъ, принялъ на себя видъ человѣка покорнаго, и, имѣя у себя заложникомъ Любомірскаго, великаго маршала коронпаго, прибылъ къ королю и упалъ ему въ ноги, плача и сожалѣя о томъ, что столь много надѣлалъ зла, а далѣе обѣщаясь быть вѣрнымъ слугою короля со всѣми своими приверженцами. И такъ, послѣ всѣхъ церемоній заключеннаго мира, толпы Козаковъ и Татаръ двинулись къ Збаражу, гдѣ тѣ осажденные еще до тѣхъ поръ ожидали помощи и, какъ могли, оборонялись. Ибо когда узнали, что сами атаманы выступили на встрѣчу королю, тогда князь Вишневецкій съ племянникомъ своимъ Дмитріемъ и Осторогомъ, вознамѣрились пробраться на помощь королю; и по этому въ одну ночь, сдѣлавъ изъ своего стана вылазку, напалъ на спящее въ шапцахъ холопство и много его положилъ на мѣстѣ. На другой день князь добылъ языка, который объявилъ, что, если бы еще немного князь продолжалъ поражать Козацство, то оно все бы отъ осады убѣжало. Князь началъ очень сожалѣть о томъ, что не продолжалъ наступленія и, желая снова то вознаградить, посовѣтовавшись съ полководцами, опять отважился сдѣлать на нихъ нападеніе, но уже нашелъ ихъ въ готовности. Однако мало обращая на это вниманія, князь бросился съ своими туда, гдѣ этого холопства наиболѣе было, и уже развивался, уже сильно около нихъ ухаживалъ, отгоняя ихъ отъ валовъ; но когда увидѣлъ, что никто не идетъ ему на помощь, тогда, вздохнувъ на небо, которое было свидѣтелемъ того, какъ онъ жизнь свою отваживалъ для отечества, ретировался назадъ къ своимъ окопамъ; къ тому же пришло извѣстіе, что Ханъ съ королемъ трактуетъ о мирѣ. Въ скорости также снова пріѣхалъ отъ Хана Карабей, который черезъ трубача крѣпко нашимъ подъ валами закричалъ: „Дайте мнѣ, Ляхи, муздe-„лыкъ! Успокойтесь! Радостную вамъ „вѣсть приношу, что уже король „съ Ханомъ поклялись въ побратим-„ствѣ, а холопы Козаки, какъ были „вашими подданными, такъ и будутъ, „кромѣ тѣхъ 40 т. молодцовъ, ко-„торыхъ беретъ подъ свою команду „Хмельницкій.“ Наши хотя тяжко на это вознегодовали, но, чтобы не оскорбить его грубостію, отвѣчали: что мы ожидаемъ еще извѣстія объ этомъ отъ нашего государя. И точно въ скоромъ времени услышали, что въ Козацкомъ станѣ стали стрѣлять изъ пушекъ по случаю пріѣзда Хмельницкаго, который нарочно на славномъ аргамакѣ разъѣзжалъ около нашего стана, показывая, что веселится и торжествуетъ свое счастіе; а также и наши изъ картауловъ, изъ которыхъ мы еще стрѣляли, отозвались Козакамъ.

Вскорѣ послѣ сего прибылъ къ осажденнымъ посланный отъ короля

Миров'ъ и доставилъ имъ подписанный мирный договоръ, въ которомъ прочли, что „должно дать въ „заложники Хану двухъ большихъ „пановъ, пока не будетъ ему вы„плачено сто тысячъ; ибо, если бы „эта сумма не была ему взнесена, то „онъ съ пустыми руками не пой„детъ изъ-подъ Збаража.“ Это условіе поразило все наше войско, что послѣ выдержанной столь тяжкой осады, еще должны окупаться. Но, какъ иначе быть не могло, ибо обыкновенно побѣдитель и поставляетъ и толкуетъ законы, то по этому, изъ любви къ отечеству вызвался изъ этого войска въ заложники Потоцкій, а изъ того былъ уже отданъ королемъ Денгофтъ. И такъ эти знатные паны должны были оставить своихъ женъ, дѣтей и имѣнія и добровольно отдаться въ залогъ Хану, ожидая, пока Рѣчь Посполитая съ королемъ ихъ не выкупитъ; чего весьма долгое время высматривая, въ великой бѣдѣ и нищетѣ были и ждали.

За тѣмъ Татары, взявши такихъ заложниковъ, двинулись съ своимъ войскомъ къ своей землѣ, но не безъ кровавой приправы, ибо въ Ляховцахъ 15 тысячъ взяли въ плѣнъ. Потомъ и Козаки, выстрѣливъ изъ пушекъ, и Vale! порохомъ грозно нашимъ сказавши, пошли почью за Татарами. Тогда только нѣкоторые наши, увидѣвъ, что непріятель удалился, рано утромъ выѣхали изъ окоповъ и на то мѣсто, гдѣ былъ непріятельскій станъ пришли, но однако, ничего не нашли, кромѣ двухъ большихъ разорваныхъ пушекъ, да нѣсколькихъ спящихъ пьяныхъ гайдамакъ застали подъ Дергами, которымъ велѣли отрубить головы; тогда же весь нашъ станъ, на девятой недѣлѣ своей осады, двинулся съ мѣста и вышелъ изъ укрѣпленій. Здѣсь-то можно было насмотрѣться, на бѣдственное положеніе людей, когда одни, едва были живы, другіе ходили, какъ полумертвые, а такихъ, у которыхъ были лошади, было мало, ибо многія поиздыхали. По этому, идя при хоругвяхъ, держались за стремена, а по дорогамъ тамъ и сямъ падали, пока не нашли хлѣба и чистой воды. Военачальники сами поѣхали къ королю во Львовъ, гдѣ благодарили его за освобожденіе и разсказали о своихъ бѣдахъ и несчастіи; король же, сколько былъ тогда въ состояніи, подкрѣпилъ свое изнуренное войско.

Когда вышеописанное несчастіе происходило въ Коронѣ, тогда и въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ оно не меньше свирѣпствовало; ибо Хмельницкій, начавши бунты, послалъ и туда своихъ бунтовщиковъ, которые, вторгнувшись въ Бѣлорусію и Полѣсье и, собравъ тамъ себѣ подобныхъ, опустошали города и деревни; такъ Гомель и Стародубъ ограбили; Быховъ, однако, оборонился, ибо Пацъ, Воловичъ и Горскій, съ своими Оршанами и Сапѣжинскими людьми, отражали толпы этихъ грабителей; а также Радзивилъ, сколько ему силъ хватало, укрощалъ ихъ мечемъ. Когда же опъ отправился на сеймъ, то непріятель, не чувствуя надъ собою косы, сталъ врываться за Днѣпръ, Березину, Припетъ и Ипну, и такимъ образомъ Брестъ совершенно разграбилъ а Кобринъ и Вишницъ разорилъ до тла. А какъ Пинскъ самъ взбунтовался, то наши сами велѣли сжечь его и вырѣзать. Возвратившись изъ сейма, Радзивилъ пришелъ съ войскомъ къ Днѣпру и тамъ, около Бобройска, много принявъ труда, успокоилъ этотъ край; но около зимы, какой-то бунтовщикъ

Голота съ 10 тысячами Козаковъ снова туда вторгнулся и едва около Припети не истребилъ Воловича, если бы не спасли его своими людьми Гонсѣвскій и Фаленцкій, которые, напавъ на Голоту, начальника и его гультайство загнали въ болота и тамъ лишали жизни. Послѣ Голоты еще съ большею толпою напалъ какой-то Подобайло, но и его Гонсѣвскій разбилъ на голову; потомъ пришло извѣстіе, что Кржечовскій, второй принципалъ послѣ Хмельницкаго, идетъ съ 40 т. войска, съ которыми Радзивилъ встрѣтился и, выдержавъ, первый натискъ, такъ сильно потомъ на нихъ ударилъ, что они должны были съ поля уходить въ лѣсъ. А между тѣмъ Коморовскій, возвращаясь съ партіею, попалъ въ это сраженіе; испуганное тѣмъ гультайство, бросилось въ лѣсъ и луга и устроило засѣки, гдѣ ихъ наши сильно поражали, но и сами были не безъ урона. Замѣтивъ это, Радзивилъ приказалъ своей пѣхотѣ искусно расположиться на стражѣ, что было не безъ успѣха, ибо наши пѣхотницы, ставши около нихъ на стражѣ, всякаго, кто бъ ни показался, брали, вязали и убивали.

Между тѣмъ Подобайло, слонявшійся около Днѣпра, услыхавъ о Кржечовскомъ, сталъ пробираться къ нему. Радзивилъ узнавъ объ этомъ, послалъ Ганцкофа, Пржипковскаго и Каперскаго съ войскомъ, чтобы они отрѣзали имъ переправу, которые и застали его уже окопавшимся; и когда стали сильно штурмовать, прибылъ и князь Радзивилъ съ частью своего войска, оставивъ Кржечовскаго въ осадѣ, и сталъ съ другой стороны штурмовать окопавшагося Подобайла. Не могши того выдержать, Подобайло, со всѣми своими, бросился въ Днѣпръ, гдѣ наши ихъ плывущихъ много настрѣляли, такъ что едва три... изъ нихъ оттуда ушло. Еще остался таборъ Кржечовскаго съ пушками, но и этотъ наши счастливо разорвали, четыре пушки взяли, Козацства вдоволь нарѣзали, а другіе къ своему принципалу въ ту засѣку ушли. Однако наши оттуда его выгнали, а потомъ убивали, и самаго начальника раненаго поймали, который отъ раны въ голову, какъ скоро привели его въ нашъ лагерь, испустилъ послѣднее дыханіе. А другихъ сто человѣкъ, полковниковъ и есауловъ, взявши живьемъ, Радзивилъ отослалъ къ Королю. Но и отъ этого пораженія зло ни мало не убавлялось, ибо отъ Припети еще больше его наступало; Радзивилъ не упускалъ ничего изъ виду, готовясь дать сильное отраженіе этой погани (howadu); но какъ Зборовскій договоръ сталъ всюду извѣстенъ, то и Радзивилъ утихъ и Козаки перешли за Днѣпръ. Такимъ образомъ кончилась эта ужасная война; но скоро открылась другая.

ЗДѢСЬ НАЧИНАЕТСЯ БЕРЕСТЕКА.

По заключеніи опыхъ Зборовскихъ условій, никто изъ насъ, поземельныхъ владѣльцевъ, не надѣялся на продолжительный миръ; и по этому вся шляхта единими устами предполагала, что отъ Козаковъ будетъ терпѣть великое горе. Въ самомъ дѣлѣ то начало исполняться; ибо нѣкоторые изъ нашихъ, возвратившись на Украйну въ свои города и деревни, нашли своихъ подданныхъ непослушныхъ, и вообще подданные не только господамъ своимъ не хотѣли повиноваться, но, что хуже всего, сами себѣ ста-

ростовъ Русиновъ поставляли, чтобы они ими управляли по ихъ собственной волѣ. Панщину отправлять не хотѣли, кромѣ того, что давали своимъ панамъ какой-то поклонъ; когда же кто съ ними изъ шляхты строго за то поступалъ, тотчасъ бунтъ и тѣхъ позволенныхъ королемъ 40,000 реестровыхъ Козаковъ, которые по всей Украйнѣ сражались и расположились по домамъ, имѣлъ надъ своею шеею. И такъ каждый бѣдный шляхтичь въ своемъ имѣніи не смѣлъ и рта разинуть, ибо чего у своего подданнаго не выпросилъ, того приказать не смѣлъ. Хмельницкій, разсматривая также основательно настоящій порядокъ вещей, сталъ безпокоиться, ибо онъ всегда того опасался, что паши, отъ терпимаго ими утѣсненія, не долго будутъ съ нимъ въ мирѣ; а когда уже шляхта послѣ Зборовскаго мира сильно была оскорблена, тогда опасаясь, чтобы паши, собравшись съ силами, своего не воротили, рѣшился ихъ предупредить. И потому тотчасъ съ Ханомъ разорвалъ свою дружбу (!), обѣщая ему Польскій яссырь, даже по самый Гданскъ, лишь бы только онъ ему помогалъ. Съ тѣмъ же послалъ и къ Турчину, предлагая себя въ вѣчное подданство и обѣщаясь ему завоевать половину Польши, даже по Днѣпръ, вмѣстѣ съ Подоліею и Каменцемъ. И эта его просьба увѣнчалась успѣхомъ, потому что императоръ Турецкій прислалъ ему за то булаву, кафтанъ и знамя и тотчасъ приказалъ всѣмъ Силистрійцамъ и Придунайскимъ народамъ, чтобы готовились на лѣто идти съ нимъ на войну. Послалъ также и къ Ракоцію, чтобы онъ шелъ съ войскомъ къ Кракову, домогаясь Польской короны. И не довольствуясь еще всѣмъ этимъ, онъ вознамѣрился вступить въ родственную связь съ господаремъ Валахіи, и, не могши обойтиться съ нимъ иначе, ворвался съ нѣсколькими десятками тысячъ орды въ Валахію и опустошилъ ее. Господарь, будучи не въ состояніи съ нимъ сладить, долженъ былъ обѣщать въ замужство дочь свою сыну его, Тимошку, назначивъ въ Яссахъ насильно вытребованную свадьбу. Надѣлавъ столько много штукъ для погибели отечества и получивъ извѣстіе, что гетманъ Потоцкій (который до тѣхъ поръ былъ въ Крыму и, наконецъ, давъ вмѣсто себя въ заложники своего сына, оттуда вышелъ), уже приготовлялъ войско въ Подоліи, послалъ къ нему, удивляясь, за чѣмъ онъ съ Польскимъ войскомъ подступилъ къ пограничнымъ мѣстамъ, такъ какъ отовсюду спокойствіе того пограничья охранялось его реестровыми Козаками. На что Потоцкій ему отвѣчалъ, что всегда въ отечествѣ было такое обыкновеніе, чтобы на границахъ стояли квартанныя войска *; наконецъ, сказалъ, что онъ стоитъ тутъ по повелѣнію короля и отступить не можетъ, развѣ ему король прикажетъ. Хотя этотъ отвѣтъ и не очень былъ пріятенъ тирану, однако онъ ничего не обнаружилъ, а между тѣмъ тайно вступалъ въ дружбу съ Турками. Потомъ послалъ къ Царю Московскому, прося его быть съ нимъ за одно; но Москаль, разсуждая, что бунты Хмельницкаго должны же когда либо прекратиться, по этому царь послалъ къ королю посла, приводя, де, ту причину для расторженія союза, что кто то изъ Польскихъ пановъ

* Kwarciani, солдаты, содержавшіеся изъ особой подати, назыв. *квартою*.

пиша къ нему письмо, не написалъ полнаго царскаго титула, и еще, что Цыто издалъ въ Польшѣ книгу, въ которой попосилъ, ихъ народъ. По этому царь для собственнаго удовлетворенія, требовалъ отъ короля, чтобы онъ выдалъ ему сочинителя помянутой книги, выплатилъ сто тысячъ рублей и возвратилъ Смоленскъ; въ противномъ случаѣ грозилъ неминуемою войною. Когда съ такимъ извѣстіемъ посолъ Московскій явился къ королю и все то ему нагло высказалъ, король, выслушавъ его, отправилъ своего посла къ царю, спрашивая: знаетъ ли онъ о столь дерзкомъ послѣ? — Но оттуда потомъ пришло другое, благосклоннѣе перваго, извѣстіе.

Потомъ, 1650 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, король назначилъ генеральный сеймъ, на которомъ единодушно разсуждали о томъ, что Козацство послѣ Зборовскихъ условій совершенно вышло изъ повиновенія своимъ панамъ, и что холопство много забрало себѣ въ голову. На этотъ сеймъ была прислана отъ Хмельницкаго слишкомъ дерзкая челобитная, ибо въ ней онъ писалъ, требуя: 1-е Чтобы условія Зборовскія были утверждены клятвою четырехъ сенаторовъ; 2-е Чтобы тѣ же самые сенаторы жили съ нимъ въ заложникахъ на Украинѣ, для неусыпнаго наблюденія за сохраненіемъ мира; 3-е Чтобы во всей Руси Унію и Латынскіе костелы уничтожить даже до самаго Орыня (Горыни?); 4-е Наконецъ, чтобы Кіевъ, Брацлавъ и Черниговъ съ своими повѣтами вѣчно оставались Козацкими. Прочитавъ эту челобитную, всѣ чины сильно возпегодовали, что уже свободному народу и Козакъ смѣетъ такъ дерзко приказывать. По этому всѣ безъ исключенія единогласно завопили къ королю, чтобы всѣми силами войною усмирилъ негодяя Хмельницкаго. Были, однако жъ, нѣкоторые, противившіеся этой войнѣ, а особенно тѣ, которые имѣли на Украинѣ помѣстья, рѣшаясь лучше терпѣть обиды отъ своихъ подданныхъ, нежели съ ними вести войну; но, принявъ въ соображеніе свое у нихъ стѣсненное положеніе, всѣ согласились на эту войну, которую въ актахъ назвали не войною, но оборопою. Когда это вездѣ уже разнеслось, наши паны и шляхта украдкою спѣшили удалиться изъ-за Днѣпра съ своими дѣтьми и женами, снова оставляя свои имѣнія и дома на грабежъ. Хмельницкій, узнавъ отъ шпіоновъ, что на сеймѣ рѣшено усмирить его войною, тотчасъ запретилъ всѣмъ Полякамъ жить на Украинѣ, и снова сталъ производить надъ ними жестокія тиранства, а между тѣмъ послалъ къ Ордѣ за подмогою. Вскорѣ потомъ, желая предупредить войско Польское, послалъ къ Брацлавлю съ немалымъ отрядомъ полковника Нечая. Король также велѣлъ своимъ гетманамъ съ войскомъ квартаннымъ двинуться зимою въ Подолію. На посполитое рушенье всѣ повыходили, съ которымъ король самъ хотѣлъ немедленно слѣдовать за гетманами. Въ то время, когда шляхта изъ воеводствъ и повѣтовъ собиралась въ походъ, гетманъ польный, получивъ извѣстіе, что Нечай съ войскомъ идетъ къ Бару, днемъ и ночью, тайно и весьма поспѣшно, шелъ къ нему на встрѣчу и, заставъ его въ Красномъ, еще не очень опохмѣлившагося послѣ заговѣнья, сильно его перепололошилъ; а какъ самъ былъ въ руку смертельно раненъ, то потому долженъ былъ съ уцѣлѣвшими остатками убраться въ замокъ, въ которомъ три дня сильно защищал-

ся. Однако жъ паши взяли, накопецъ, замокъ, но нашли уже Нечая мертваго, покрытаго ковромъ; все бывшее тамъ гультайство вырѣзали; эта побѣда, одержанная гетманомъ польнымъ, предвѣщала нашимъ дальнѣйшіе успѣхи и счастіе. И въ самомъ дѣлѣ, Хмельницкій, узнавъ о томъ, что лишился самаго лучшаго своего полковника, жестоко былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, но ничѣмъ этого не обнаруживалъ; о томъ только безперестанно думалъ, что, если въ самомъ дѣлѣ проиграетъ и королю достанется, тогда навѣрное будетъ посаженъ на колъ; по этому рѣшился всѣми силами, при помощи Татаръ, ударить на короля. Гетманъ же польный изъ Краснаго двинулся дальше, идя къ Чернигову, Морахвѣ, и Шарограду совершенно отъ Козаковъ очистилъ, а послѣ, достигнувъ съ войскомъ Днѣстра и слыша, что позади него находится какой-то Александрійскій Козачій полковникъ съ великимъ числомъ войска, тотчасъ съ нимъ вступилъ въ сраженіе и хотя сильно его поразилъ, однако и нашихъ не мало погибло. Гетманъ, видя, что теряетъ людей, пошелъ къ Виницѣ, гдѣ также находился, съ немалымъ войскомъ, какой-то Богунъ, который, услышавъ о томъ, что гетманъ идетъ за нимъ, заперся въ монастырѣ; паши, вознамѣрившись его тамъ аттаковать, стали переправляться чрезъ замерзлую рѣку, Бугъ; но какъ Козаки незамѣтно ледъ на этой рѣкѣ подрубили, то тутъ сильныхъ двѣ хоругви, съ своими ротмистрами, потонули; и хотя гетманъ съ прочимъ войскомъ, переправившись, сдѣлалъ сильный къ монастырю и замку приступъ, однако Козаки сдаться не хотѣли, ибо полковникъ Глухъ поспѣшалъ къ нимъ на помощь. По этому паши перестали аттаковать его и не медля воевода Брацлавскій пошелъ на встрѣчу этому Глуху, съ которымъ встрѣтившись недалеко отъ Липовца и увидѣвъ безчисленную толпу Козаковъ, ушелъ назадъ, но Глухъ сталъ его преслѣдовать; когда паши военачальники пошли противъ него на легкѣ, безъ повозокъ, тогда погопщики, взбунтовавшись, разграбили возы своихъ господъ. Смущенные этимъ, паши военачальники, не зная, что дѣлать въ такомъ случаѣ, съ великимъ стыдомъ и замѣшательствомъ, обратились съ войскомъ въ бѣгство; однако встрѣтилъ ихъ князь Димитрій Вишневецкій и кое-какими средствами удержалъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, могли взять съ собой пушки; но, потерявъ всѣ свои таборы, сами только ушли къ Бару, гдѣ, оставивъ нѣсколько войска, поспѣшили къ Каменцу и тамъ претерпѣвали голодъ. Король, услыхавъ, что гетманы позорно были поражены и изъ Украины ушли къ Каменцу, выступилъ изъ Варшавы съ свѣжимъ войскомъ, а въ слѣдъ за нимъ новонабранное войско и посполитое рушенье двинулось огромными полчищами. Когда такимъ образомъ медленно стягивалось Польское войско, пришло извѣстіе отъ Валашскаго господаря къ гетманамъ, находящимся подъ Каменцемъ, чтобы они были осторожны, ибо Хмельницкій выслалъ огромныя войска, препятствуя соединенію гетмановъ съ королемъ и посполитымъ рушеньемъ. Почему гетманы прежде всего послали въ Баръ Корицкаго, чтобы онъ вывелъ оттуда полкъ, который тамъ былъ поставленъ впереди, а сами двинулись къ королю, шедшему съ войскомъ, и направили путь къ самому Сокалу.

А между тѣмъ Хмельницкій послалъ къ Каменцу 60 тысячъ Козаковъ и Татаръ съ Богуномъ, но тамъ

Козаки уже не застали войска. Тогда Богунъ послалъ Демка со многочисленными полками за гетманами, которые, узнавъ о томъ, переправились подъ Копчинцами чрезъ Сеpетъ, и воеводу Брацлавскаго съ Конецпольскимъ оставили въ засадѣ. И такъ, когда Демко съ Козацкою копницею напалъ на переправляющіеся черезъ Серетъ наши таборы и сильно на нихъ сталъ наступать, тогда наши зажгли остатки непереправившихся таборовъ, а сами показали видъ, будьто бѣгутъ. Тогда Козацкіе охотники бросились, какъ угорѣлые, за Серетъ, гоняясь за нашими; а тутъ съ тыла съ одной стороны воевода Брацлавскій, а съ другой Конецпольскій не ожиданно на непріятеля налегли; гетманы также спереди оборотились; и такъ то гайдамацство счастливо потрепали, однихъ побили, другихъ загнали въ болота и Серетъ; тамъ же взяли въ плѣнъ одного Мурзу, а Каневскаго полковника убили. Поразивъ такъ счастливо подъ Копчинцами Татаръ и Козаковъ, наши приблизились, чрезъ Поморяне и Гологоры, къ Бугу. Но какъ тутъ свѣжая Татарская партія шла передъ нами, ведя безчисленное множество плѣнныхъ, то наши, ужасно напугались того, ибо думали, что Хмельницкій заступилъ имъ путь спереди, и потому, какъ можно скорѣе, переправились черезъ Бугъ и, соединившись съ королемъ, стали всѣ общимъ станомъ. Отсюда Король, разославъ партіи, добылъ языка о Хмельницкомъ, что онъ съ великою силою находится уже у Тарнополя и что со всѣми силами днемъ и ночью спѣшитъ воспрепятствовать соединенію войска нашего съ королемъ. Но услыхавъ, что король находится подъ Сокаломъ, онъ отступилъ къ Збаражу, а отступивши, ожидалъ тамъ прибытія Хана. Наши между тѣмъ счастливо посылали партіи и Козаковъ по немногу рвали, а особенно подъ Почаевомъ славно ихъ поколотили.

А какъ Хмельницкій, стоя подъ Збаражемъ, имѣлъ мало провіанта, то по этому онъ выслалъ своихъ даже до Дубна, Луцка и Полѣсья за продовольствіемъ; но предусмотрительный король вездѣ велѣлъ занять проходы, а самъ, оставаясь въ станѣ, очень сожалѣлъ, что нескоро посполитцы приходили, а время было весьма благопріятно для нападенія на Хмельницкаго, пока онъ не соединился съ Ханомъ. Когда же у Короля набралось войска уже до ста тысячъ, тогда пошелъ онъ къ Стыри, самъ командуя войскомъ, пришелъ къ Берестечку, гдѣ и сталъ лагеремъ. Между тѣмъ наши добыли языка, отъ котораго узнали, что въ Козацкомъ станѣ чернь ужасно умираетъ, и что уже 260 возовъ что ни знатнѣйшихъ больныхъ, Хмельницкій велѣлъ вывезти изъ стана для освѣженія воздуха. Тотъ же самый языкъ сказалъ, что Хмельницкій часто посылаетъ гонцовъ къ Хану, идетъ ли онъ къ нему на помощь. Получено было также извѣстіе, что Конецпольскій нѣсколько тысячъ Козаковъ подъ Олыпкой поразилъ на голову, чѣмъ войско наше не мало было обрадовано. Король, однако, стоялъ нѣсколько дней около Стыри, поджидая прибытія другихъ хоругвей посполитаго рушенья; а между тѣмъ наши ссорились между собою за переправу и безпокоили короля своими пустыми жалобами, имѣя уже почти на шеѣ своей непріятеля. Однако жъ король все это успокоилъ, а самъ рѣшился подвигаться съ войскомъ дальше, но ему совѣтники его это отсовѣтывали,

которыхъ долго король не слушался. Однако гетманъ своими убѣжденіями удержалъ его до завтрашняго утра, почему король приказалъ возвратиться телѣгамъ, которыя отправилъ было впередъ, и строгое далъ повелѣніе, чтобы никто не смѣлъ выходить изъ стана; когда же погонщики этого не слушались и выходили за фуражемъ, то не одинъ изъ нихъ попадался въ руки Татарамъ. Тутъ явился какой-то товарищъ, объявляя, что какого-то Востковскаго, бывшаго съ партіею, Татары разбили и сами съ великимъ стремленіемъ подступаютъ къ Польскому стану. И точно, Татары тотчасъ на нашъ станъ нападать стали и тѣхъ погонщиковъ, таскавшихся за травою и фуражемъ, хватали. По этому ударили въ войскѣ тревогу и въ 9 часу оно выступило въ поле, гдѣ его оказалось такое великое множество, какого, кажется, никогда не было въ нашей Польшѣ. Едва только войска наши стали въ боевомъ порядкѣ (w paradzie), какъ тотчасъ Татары начали съ необыкновеннымъ стремленіемъ ихъ тѣснить, подступивъ огромными полчищами; но наши столь сильно защищались, что ихъ не только разогнали, но однихъ на переправѣ перетопили, а другихъ побили, и того дня непріятель болѣе уже не покушался ни на что, а готовился, съ своимъ предположеніемъ, на завтра. И въ самомъ дѣлѣ, на другой день очень рано, Татары снова съ великимъ стремленіемъ пошли къ нашимъ, Козаки также имъ помогали, и наши начали было приходить въ замѣшательство, но оправились и удержали за собою поле, набивши довольно Татаръ и Козаковъ. Видя это, ханъ Татарскій, страшно разсердился на Хмельницкаго за то, что онъ вызвалъ его изъ Крыму, говоря, будто въ Польскомъ войскѣ одна молодежь, а теперь онъ самъ совсѣмъ иное увидѣлъ, что оно мужественно сражается. За тѣмъ сказалъ Хмельницкому: ежели меня не сведешь съ этого поля, то я тебя связаннаго отдамъ королю. Хмельницкій же, не обращая ни на что вниманія, обѣщалъ хану завтра самаго короля доставить ему въ руки, и потому еще съ вечера великой громадой съ Татарами бросился, и тѣмъ и въ своемъ, и въ нашемъ войскѣ много вреда надѣлалъ; ибо хотя наши около 2,000 Козаковъ и Татаръ на мѣстѣ положили, однако немало теряли замѣчательныхъ людей.

На завтра, 30 іюля, обѣ стороны рѣшились дать генеральное сраженіе. По этому наши, не спя цѣлую ночь, готовились къ сраженію, и совѣтовались о строѣ для войска, заключая, что приличнѣйшимъ долженъ быть строй таборный; но королю это не правилось; почему иначе устроилъ войско, на что всѣ согласились. Устроивъ войско въ боевой порядокъ, король самъ остался въ корпусѣ при пушкахъ и драгунахъ, пѣхоту же позаслоняли крыльями изъ посполитцевъ. Хмельницкій также *e converso* своихъ Козаковъ, Татаръ и Турокъ; самъ сталъ на лѣвой сторонѣ, а Хану отдалъ въ распоряженіе правую. Въ ставшемъ такимъ образомъ другъ противъ друга войскѣ считалось больше 500,000. А стали на ровномъ мѣстѣ, другъ отъ друга на полмили, и присматривались къ своей огромности. Между тѣмъ Татары выѣзжали на гарцованье и лошадей своихъ быстрымъ скаканьемъ изнуряли, нападая на нашихъ; а какъ король приказалъ своимъ, чтобы никто не смѣлъ до его повелѣнія выскакивать изъ строя, потому наши стояли неподвижно и толь-

ко изрѣдка отстрѣливались отъ гарцующихъ. Потомъ король произнесъ къ войску убѣдительную рѣчь, чтобы здѣсь оказали Древнепольское мужество, и этого гордаго холопа неустрашимостью своею истребили. Одушевились наши королевскою рѣчью и Марсовымъ пламенемъ горѣли, желая сойтиться съ непріятелемъ, который не наступалъ, а стоялъ неподвижно; почему наши думали различно: полагали, что или ихъ боится, или думаетъ бѣжать, или, наконецъ, придумываетъ какую-либо увертку. Когда это дѣлалось, появился надъ самымъ станомъ въ воздухѣ Святый Михаилъ съ Пресвятѣйшею Маріею, который какъ бы гнался за Ханомъ, грозя ему мечемъ; чѣмъ наши, несказанно обрадованные, истинно непобѣдимымъ мужествомъ одушевлялись. Король же, видя, что никто съ противной стороны не нападаетъ, приказалъ воеводѣ Русскому двинуться съ своими полками; который, бросившись на поганство и напавъ на таборы, кои въ девять рядовъ цѣпьми были между собой связаны, началъ ихъ разрывать. При этой схваткѣ поднялась столь великая пыль, что король не могъ видѣть, что сдѣлалось съ посланнымъ воеводою Русскимъ, но онъ вскорѣ показался на холмахъ съ своими знаменами; почему король пошелъ въ слѣдъ за нимъ съ пушками и пѣхотою, съ которою наступилъ сильно и огнемъ, весьма звучнымъ и частымъ, угощать началъ. И Козацство, въ отместку, также сильно наступало со всѣми своими силами. Потомъ коронный хорунжій загремѣлъ изъ своего крыла огненнымъ трескомъ и такъ сильно закурилъ подъ носомъ хану, что и самому Хмельницкому стало душно, ибо наши его съ Ханомъ разорвали и сильно тѣснили, такъ, что они начали отступать, уже раздѣленные. Король однако, сильно ихъ преслѣдовалъ. Ханъ Татарскій, видя, что это уже не шутки, обругавъ Хмельницкаго, обратился въ бѣгство и за нимъ всѣ его Татары, бросая на полѣ свои тяжести нашимъ въ добычу. Хмельницкій также отступилъ и отвелъ своихъ Козаковъ въ станъ, объявляя имъ, что воротитъ Хана, за коимъ самъ пустился. Тѣмъ временемъ наши на переправахъ однихъ убивали и разными способами мучили, а другихъ топили. Хана, однако, Хмельницкій воротить не могъ, почему и самъ съ нѣкоторымъ Козацствомъ своимъ удалился за Кременецъ на ровныя поля, а весь свой таборъ оставилъ подъ крѣпкою защитою, который королемъ тотчасъ былъ обложенъ. Но Козацство окопалось, и тѣмъ доступъ къ себѣ сдѣлало нашимъ весьма труднымъ; но наши сильно безпокоили ихъ изъ пушекъ, хотя и они, съ своей стороны, стрѣляя изъ пушекъ, не праздно сидѣли. Король въ то время непрестанно на конѣ трудился и войско устроивалъ; но какъ съ этимъ окопавшимся гультайствомъ ничего сдѣлать не могъ, то послалъ въ Броды за пушками, большихъ калибровъ, нежели тѣ, какія съ нимъ были; конми хотя и подчивали ихъ, однако и сами терпѣли немалую потерю въ людяхъ. Почему, когда наши не много поутихли, Козаки, сдѣлавъ вылазку, неожиданно напали на наши шанцы, въ которыхъ стояла пѣхота, и чуть было совершенно ее не уничтожили, если бы королевская дѣятельность тутъ не помогла. Тогда наши военачальники на совѣтѣ съ королемъ положили, чтобы не слишкомъ сильно наступать на Козаковъ, находящихся въ укрѣпленіяхъ, чѣмъ очень были недовольны.

Ибо когда наши имъ такимъ образомъ сдѣлали облегченіе, они безопаснѣе стали дѣлать вылазки изъ окоповъ; и тогда только наши узнали свою ошибку, что недолжно было давать имъ ни малой поблажки, потому что уже съ гораздо большимъ затрудненіемъ должны были отбиваться отъ непріятеля и напрасно терять людей. А потому король тѣснѣе ихъ обложилъ.

Дано также знать королю, что Ханъ, убѣгая вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, уже за Горинью очутился; а наши, поймавъ раненнаго, въ телѣгѣ бѣгущаго Мустафу, именитаго Татарина, привели къ гетману, который отдалъ письмо отъ Хана къ королю. Въ томъ письмѣ Ханъ говорилъ, что ему не гдѣ было подъ Берестечкомъ развернуться съ своею Ордою, и потому онъ ушелъ; а потому, если бы онъ хотѣлъ попробовать, пусть бы пошелъ за нимъ на ровныя поля: тогда бы узналъ, какова его Орда. Но на дѣлѣ Ханъ объ этомъ и не думалъ. Послѣ чего король сильнѣе сталъ наступать на окопавшихся, коихъ когда стали истреблять густою пальбою, тогда они видя, что это не шутка, выслали къ королю двухъ знаменитыхъ полковниковъ, Крысу и Перейславя, просить пощады; которые, упавъ передъ нимъ на колѣни, начали просить у него милосердія, сознаваясь въ своей злобѣ и въ невинно пролитой крови. За тѣмъ король отъ своего престола приказалъ отвѣчать канцлеру, что если они исправятся, то онъ готовъ ихъ простить. Послѣ такого объявленія, король приказалъ задержать одного Козацкаго посла, Крысу, заложникомъ до завтра, а завтра обѣщалъ имъ прислать извѣстныя условія, кои были такія: 1-е Прежде нежели Хмельницкаго съ войскомъ поймаютъ, отдали бы свою старшину въ заложники королю. 2-е Чтобы всѣ пушки, гдѣ бы ни было забраныя, возвратили. 3-е Чтобы не желали имѣть гетманомъ другаго, по только того, кого самъ король назначитъ. 4-е Чтобы булаву и знамя гетманское, которыя до сихъ поръ были у Хмельницкаго, возвратили. 5-е Что число Козацкаго войска на будущемъ сеймѣ будетъ опредѣлено. 6-е Что уже будутъ довольствоваться не Зборовскими, а Ораковскими условіями. Когда такіе пункты были имъ предложены, то они долго разсуждали надъ ними, умышленно проволакивая время, и потомъ надумались на нѣкоторыя изъ нихъ согласиться, т. е., поймать Хмельницкаго и отдать его королю а самимъ покориться, но старшину и пушекъ выдать не хотѣли, и объявили, что скорѣе готовы погибнуть до послѣдняго, нежели на это согласиться. Но вскорѣ холопство тайно, какъ будто бы за травою и дровами прокрадываясь изъ стана, начало уходить, чего наши вовсе не предполагали, и видя множество ихъ въ окопахъ, думали иначе, хотѣли переморить ихъ голодомъ. Однако жъ король велѣлъ одному полку съ большимъ полкомъ стать на стражѣ съ той стороны переправы; тутъ, неизвѣстно съ чего, какое-то страшное смятеніе появилось въ ихъ станѣ, ибо одни изъ нихъ силою бѣжали къ переправѣ, а другіе, бросивъ всѣ снаряды, оружіе, пушки, возы, лошадей, плѣнныхъ, больныхъ, женщинъ, и пр., и пр., какъ обваренные, сами не зная куда, бѣжали. Наши смотрѣли на это и думали, не штука ли это какая? и потому не скоро за ними пустились, такъ, что и тотъ полкъ, стоящій на переправѣ,

думая, что на нихъ обратились всѣ силы Козаковъ, долженъ былъ отступить. Наши, замѣтивъ, что станъ пустъ, бросились въ него, и кого тамъ застали, убивали до смерти, возы грабили, и бывшія въ немъ вещи забирали, какъ то: сермяги, тулупы, мѣшки, плахты, ремни, желѣзо и другія, тому подобныя, вещи. Такова-то была нашимъ награда за то, потерянное подъ Пилявцами, имущество; но по крайней мѣрѣ пушекъ забрали не мало: большихъ полукартауловъ восемнадцать, а равно и множество ружей; провіанту, рогатаго скота и лошадей нѣкоторымъ досталось довольно. При томъ нашли и тѣ знамена, которыя Владиславъ послалъ было Хмельницкому, намѣреваясь воевать съ Турчиномъ, и мечь, присланный отъ Греческаго патріарха на эту войну чрезъ Коріатицкаго (Koryatyckiego) епископа, который, бывъ тамъ убитъ, освятилъ его своею кровью; потомъ также наши найдя епископскій посохъ, вылитый изъ чистаго серебра, драгоцѣнную, богато шитую, митру, и ларчикъ съ письмами, и еще войсковую Козацкую печать, что все отослали королю. По разграбленіи Козачьяго стана, нѣкоторые совѣтовали королю итти въ слѣдъ за непріятелемъ, но тому помѣшало несчастное несогласіе, ибо многіе посполитцы начали проситься домой. Долго король прилагалъ всѣ усилія, желая ихъ уговорить, но, наконецъ, посполитцы сами рѣшились разойтиться по своимъ домамъ и, такимъ образомъ, только одно квартанное, очень изнуренное, войско осталось, котораго уже было не болѣе 15 тысячъ. Потомъ и самъ король возвратился изъ Винницы въ Варшаву, а гетманы пошли съ тѣмъ войскомъ далѣе, какъ бы на пропалую, ибо, идя чрезъ край опустошенный, мосты разбросанные, воды зараженныя, мельницы созженныя, переносили великія, истинно неизъяснимыя, бѣдствія. За тѣмъ, въ послѣднихъ числахъ августа, пришли къ Паволочи и, нашедъ тамъ множество гайдамацтва, счастливо его соединенными силами вытѣснили; а также, набравши всякой живности, стали лагеремъ и отъ голода оживали. Едва изнуренное и обезсиленное голодомъ войско въ плодороднѣйшей странѣ и при тѣхъ запасахъ, которыхъ Козаки навозили въ Паволочь огромное количество, начало оживать и развеселяться, какъ вдругъ Богъ сильно опечалилъ нашихъ: ибо тотъ неустрашимый рыцарь, князь Іеремія Вишневецкій, воевода Русскій, по предопредѣленію Божьему, скончался въ Паволочи, къ великому прискорбію всего войска и отечества. Всѣ наши безъ исключенія рыдали надъ умершимъ княземъ, долго и единогласно утверждали, что такой другой Вишневецкій нескоро въ Польшѣ родится; а что и какъ онъ совершилъ, то выше описано.

Узнавъ о смерти князя, Хмельницкій, которому онъ всегда стоялъ костью въ горлѣ, снова ободрился и снова, разославъ универсалы, собралъ подъ Масловымъ Прудомъ гультайство, желая воротить свое счастье. Когда это дѣлалось, король, шедшій съ посполитымъ рушеньемъ, получилъ извѣстіе, что Ракоцій завладѣлъ Краковомъ; это была не правда, но, однако жъ, какой-то Наперскій, назвавшись Косткою, возмутилъ въ горахъ мужиковъ ихъ духомъ Хмельницкаго и завладѣлъ городомъ Чорштиномъ. Узнавъ о томъ, Гембицкій, епископъ Краковскій, послалъ къ тому Наперскому, спрашивая, что онъ дѣ-

лаетъ въ Польшѣ? А тотъ такъ извинялся: „Я Костка, природный шляхтичъ, присланъ королемъ для защиты здѣшнихъ границъ.“ Епископъ, принявъ въ разсужденіе, что это былъ за человѣкъ, ибо онъ зналъ всѣхъ Костокъ, велѣлъ поскорѣе своей придворной пѣхотѣ, 300 человѣкамъ.... которые прежде чѣмъ, этотъ страшный заговоръ созрѣлъ и пока къ нему болѣе холопства не пристало, напавъ на того мнимаго Костку, бунтовщика, въ замкѣ Чорштин скомъ, имѣвшаго уже 5000 холопства, отрѣзалъ ему прежде всего воду, и потомъ взяли; потому что онъ долженъ былъ сдаться. Котораго вмѣстѣ съ принципалами за тѣ поступки въ Краковѣ жестоко казнили и, такимъ образомъ бунтъ этотъ, въ самомъ началѣ, задавленъ. Но какъ еще иное гультайство въ горахъ толпилось, потому епископъ, не могши самъ сладить, далъ знать о томъ королю, который тотчасъ же послалъ для утишенія тѣхъ бунтовъ двухъ Любмпнскихъ съ немалымъ числомъ людей. Распустивъ такія о Краковѣ извѣстія, какъ будто имъ завладѣлъ Ракоціи, и увѣривъ своихъ, будто король пошелъ къ Ракоцію, Хмельницкій собралъ за Днѣпромъ 50,000 Козаковъ; а между тѣмъ паше Литовское войско потихоньку приближалось къ коронному съ Радзивиломъ, который сперва завладѣлъ Кіевомъ и подъ Лозовомъ соединился съ войскомъ коронным. Хмельницкій, узнавъ объ этомъ, послалъ противъ Радзивила два полка, дабы помѣшать соединенію его съ коронными гетманами; почему и Радзивилъ послалъ противъ нихъ Гопсѣвскаго, который надъ рѣкою Рипой разбилъ упомянутые полки. Этимъ Радзивилъ утвердился въ Кіевѣ, пощадилъ городъ по просьбѣ Митрополита, но не дозволилъ имѣть въ немъ ни одной пушки. Также наши Коронные, слыша о скопищахъ Хмельницкаго и немного ожившн, вознамѣрились разгонять ихъ; для того выслали какого-то Андзуля съ Волошемъ, который, выступивъ впередъ, разграбилъ какой-то городъ и войско свое отяготилъ большою добычею; а между тѣмъ Козаки нечаянно на него напали, и вѣрно бы совершенно истребили, если бы къ нимъ изъ Волощичь не подоспѣлъ съ княжескими людьми и ихъ не спасъ. А что всего хуже, этотъ Гандзуля напугалъ нашихъ гетмановъ, сказавъ имъ, что Хмельницкій со всею своею силою тянется къ Руси, къ Бѣлой Церкви и Хвастову, чего въ самомъ дѣлѣ не было. Получивъ такое извѣстіе, наши подступили къ городу Трилисамъ и тотчасъ послали трубача, съ требованіемъ сдачи; но когда на то изъ города дерзко отвѣчали, тогда гетманы рѣшились взять Трилисы и выслали для этого Тріумскаго, который едва началъ штурмъ, какъ тотчасъ негодяи, и даже бабы, такъ встрѣтили его, кто съ кольями, кто съ кампями, что 70 человѣкъ съ двумя капитанами было побито въ его глазахъ. Однако, когда подошелъ на помощь съ Берскимъ полкъ, посланный гетманами, тогда наши удачно завладѣли городомъ, совершенно его раззорили, самаго главнаго бунтовщика повѣсили, а замокъ съ городомъ зажгли; зарево того страшнаго пожара дошло до Козака Богуна, стоявшаго въ Тастовѣ, и такъ его перепугало, что онъ съ своимъ полкомъ и жителями ушелъ въ лѣса; а наши, пришедъ къ Тастову, нашли ворота отворенныя, и всѣ укрѣпленія оставленныя, и стали безопасно лагеремъ, поджидая Радзивила, который, успокоивъ все въ Кіевѣ, прибылъ благополучно

въ Тастовъ и съ войскомъ коронпымъ соединился. Узнавъ объ этомъ соединеніи, Хмельницкій, написалъ письмо къ гетманамъ, въ которомъ говорилъ, что отъ неумѣстнаго съ обѣихъ сторонъ упрямства проливается человѣческая кровь, и за тѣмъ объявлялъ, чго готовъ помириться и королю вѣрно служить, только бы съ нимъ и войскомъ Запорожскимъ милостиво поступили. По чему просилъ, чтобы гетманы прислали къ нему кого-либо надежнаго, обѣщаясь что все уладится. Наши, сперва посовѣтовавшись, отвѣчали на это письмо Хмельницкому, что они легко могли бы возвратить ему благосклонность короля, лишь бы только онъ отступился отъ Татаръ; и съ такимъ порученіемъ посланъ былъ къ нему отъ нашихъ Махоцкій; когда онъ такое письмо отдалъ, то Хмельницкій читалъ его съ великимъ вниманіемъ, и весьма обижался, что ему не дано въ немъ гетманскаго титула; однако, не обнаруживая этого, отвелъ въ сторону того посла Маховскаго и совѣтовался съ нимъ, какимъ бы образомъ ему развязаться съ Татарами; замѣтивъ это, Выговскій (Wojchowski) намекнулъ Хмельницкому, чтобы отложилъ это до имѣющей быть въ скорости переписи войска, что Хмельницкій охотно сдѣлалъ и отпустилъ посла, съ тѣмъ чтобы гетманы, какъ можно скорѣе, присылали своихъ коммиссаровъ въ Бѣлую Церковь, для заключенія договора; а пока то будетъ, съ обѣихъ сторонъ было бы перемиріе. Получивъ такой отвѣтъ, гетманы послали для заключенія мира коммиссарами въ Бѣлую Церковь Кіевскаго и Смоленскаго воеводъ, съ которыми были также отправлены Косаковскій и подчашій Литовскій, которые едва съ великимъ страхомъ прибыли въ Бѣлоцерковскій замокъ, какъ Хмельницкій тотчасъ со всѣмъ своимъ войскомъ и Татарами окружилъ городъ; а послѣ, выбравъ самыхъ лучшихъ полковниковъ, пришелъ съ визитомъ къ коммиссарамъ, съ которыми прекрасно и по людски поздоровавался и оказалъ ко всему хорошему готовность и скромность. Въ то время, когда съ обѣихъ сторонъ исподоволь стали составлять трактаты, произошелъ сильный бунтъ въ черни, которая страшнымъ образомъ стала кричать на Хмельницкаго: „Такъ то, пане гетмане Хмель„ницкій, самъ ты договариваешься „съ Ляхами, и отъ всей нашей Орды „отступаешь? Но прежде, нежели „ты до того дойдешь, что нашъ на„родъ отдашь въ рабство Ляхамъ, „самъ ты ляжешь головою и ни „одинъ Ляхъ не выйдетъ изъ этого „замка.“ Для чего чернь съ такою быстротою собралась и окружила замокъ, что самъ Хмельницкій, выскочивъ, сталъ ихъ усмирять и старшину билъ булавою, а Выговскій убѣждалъ словами. Но такъ какъ не могли вдругъ успокоить бунта, то Выговскій сказалъ коммиссарамъ: „Сумазброды вы, и столько холоп„ству вѣрили, что пріѣхали въ этотъ „огонь; теперь, защищая васъ, и сами „погибнемъ; однако жъ до послѣдней „крайности будемъ васъ заслонять „своими тѣлами.“ И въ самомъ дѣлѣ достоинъ похвалы Хмельницкій съ Выговскимъ за то, что, сколько имъ стало силы, защищали коммиссаровъ, подставляя почти вездѣ за нихъ свои головы; даже сами стерегли ворота замка.

Наши гетманы, узнавъ о томъ, что коммиссары находятся въ такой опасности, послали сперва изъ среды себя гетмана польнаго со ста Польскими хоругвями къ Бѣлой Церкви, кото-

рый прибывъ туда, и имѣя позади себя, если бы то понадобилось, подкрѣпленіе, сталъ подъ Козацкимъ станомъ и пробылъ болѣе половины дня; но какъ никого изъ коммиссаровъ не могъ дождаться, то возвратился назадъ ни съ чѣмъ. За тѣмъ все войско рѣшилось, какъ можно скорѣе, итти для освобожденія своихъ коммиссаровъ и сильно уговаривало къ тому гетмановъ; но они, принимая все въ разсужденіе, не очень на это соглашались, желая прежде узнать, живы ли они; по этому послали за тѣмъ смѣлаго Козака, а войску приказали стать въ строй; какъ вдругъ прибѣгаетъ товарищъ изъ передовой стражи и даетъ знать, что коммиссары возвращаются изъ города, но въ такой находятся отъ черни и Татаръ опасности, что, если не подадутъ имъ помощи, должны будутъ погибнуть; ибо ни высланный конвой, ни самъ Хмельницкій, разгоняющій взбунтовавшіяся толпы, ничего сдѣлать не могутъ. Послѣ такого извѣстія гетманы выступили съ войскомъ, желая ихъ спасти, но уже было поздно, ибо они сами кое какъ благополучно воротились; но напрасну потеряли всѣ свои возы, серебро и челядь.

Едва, такимъ образомъ, войско увидѣло своихъ пословъ, которыхъ по истинѣ погибшими считало, какъ тотчасъ же за ними прибыли послы отъ Хмельницкаго, извиняясь, что ни Хмельницкій, ни старшины совершенно въ томъ не виновны, что такое неуваженіе оказано было коммиссарамъ; объявляя притомъ, что они не уклоняются отъ договоровъ, даже привезли готовыя условія, но другія: 1-е Чтобы реестровыхъ Козаковъ было еще больше; 2-е Чтобы у нихъ, въ столичныхъ городахъ, ни одного солдата не было; 3-е Что разорвать дружбу съ Ханомъ не могутъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ на сеймѣ отъ короля объявленія о совершенномъ мирѣ. На что наши согласились и послали посла къ Хмельницкому, чтобы онъ завтра пріѣзжалъ, для принесенія присяги, къ великому гетману, заступающему особу короля. Потомъ наши войска цѣлую ночь шли и въ глазахъ непріятеля стали подъ Бѣлою Церковью; но тутъ снова Хмельницкій прислалъ къ нашимъ двѣнадцать Козаковъ, которые, будто ничего не зная о томъ, что вчера было сдѣлано, просили гетмановъ оставить ихъ при Зборовскихъ условіяхъ, и къ этому присовокупили, что съ Татарами, какъ съ охранителями своей свободы, никогда не могутъ разорвать дружбы. Сильно разгнѣванные тѣмъ, наши военочальники снова, на другой день, вывели войско, которое уже свели было съ поля, и построили его такимъ образомъ: великій гетманъ самъ сталъ съ пушками въ корпусѣ, Литовскій правое, а польный лѣвое крыло взяли подъ команду; по бокамъ также помѣстились гусарскія хоругви, а въ тылу остались большіе полки.

Но вотъ и Татары съ Козаками высыпали безчисленной толпой противъ нашего войска; впрочемъ, не вдругъ стали нападать, а сперва къ нашему строю присматривались. Почему гетманъ приказалъ выступить противъ нихъ Яблоновскому съ частію легкихъ хоругвей; когда онъ храбро съ ними сражался, Чарнецкій съ воеводой поспѣшилъ къ нему на помощь. Тогда началось кровопролитіе съ обѣихъ сторонъ. Потомъ двинулся Радзивилъ съ величайшею быстротою и такъ сильно сталъ тѣснить непріятеля, что онъ началъ уходить съ поля, и если бы лѣвое крыло при-

няло въ дѣлѣ участіе; то вѣрно бы непріятеля совершенно истребили, но гетманъ, по предусмотрительности и имѣя важныя причины, лѣвому крылу не велѣлъ трогаться съ мѣста. И, такимъ образомъ, Козаки съ Татарами, куда глаза глядѣли, безъ стыда бѣжали. Эй, въ то время должно было, какъ можно быстрѣе, гнаться! Но что жъ дѣлать, когда Богу такъ было угодно, что наши не хотѣли итти за ними: ибо еще бичь Божій былъ надъ ними; убитыхъ было мало, потому что и сразиться, какъ слѣдуетъ, не удалось.

На другой день послѣ этой стычки, Хмельницкій прислалъ своего посла, какого-то Райтаровскаго, удивляясь, что войско такъ близко стало; при томъ извинялся, что вчерашнее сраженіе произошло безъ его вѣдома, и, утѣшаясь, что не завязалось что ни будь большее, просилъ объ окончаніи мирныхъ договоровъ. На что наши ему отвѣчали, что они не прочь отъ этого; только ежели онъ дальше станетъ обманывать, то уже больше вѣрить ему не будутъ. Когда въ этомъ проходило время, десять тысячъ Орды, съ безмѣрнымъ множествомъ черни, зашедши нашимъ въ тылъ и подкравшись ползкомъ къ самому нашему стану, съ нѣмовѣрною стремительностію ударили на нашихъ; наши, однако жъ, обративши на нихъ всѣ свои силы, такъ сильно ихъ поражали, что они, оставивъ множество труповъ, должны были съ остальными со стыдомъ уходить. Хмельницкій, видя, что никакія штуки не удаются ему, снова прислалъ вечеромъ къ гетманамъ, удивляясь, что до сихъ поръ не кончаютъ начатыхъ съ нимъ договоровъ; и потому просилъ, чтобы завтра все было кончено. Но завтра снова Татары и Козаки нападали на нашихъ; почему наши въ поле вышли и мужественный отпоръ имъ дали, а потому снова договоры заключены не были. А между тѣмъ въ продолженіе двухъ часовъ, лилъ сильный дождь, почему наши сошли съ поля, и свои нужды, какъ-то голодъ и падежъ лошадей, сообразили; къ тому же и Радзивилъ, гетманъ Литовскій, поспѣшалъ къ своимъ таборамъ, ибо онъ пришелъ только на легкѣ, съ конницею. И потому наши, рады не рады, рѣшились окончить мирные договоры съ Хмельницкимъ, и какъ бы нарочно для этого, на завтра прибыли отъ Хмельницкаго послы, которые съ нашими коммиссарами такія положили условія для мира: 1-е Козаковъ реестровыхъ должно быть 20 тыс., которые въ одномъ только Кіевскомъ воеводствѣ, и то лишь въ королевскихъ имѣніяхъ, должны находиться. Браславское же и Черниговское воеводства должны быть отъ нихъ свободны; если бы тамъ находилось недвижимое имѣніе какого-нибудь Козака, то онъ долженъ его продать; 2-е Что устройство реестровыхъ Козаковъ должно кончиться объ Рождествѣ Христовомъ; 3-е Реестръ тѣмъ Козакамъ долженъ быть подписанъ гетманомъ и отданъ королю; 4-е Всѣ Козаки, кои будутъ помѣщены въ этомъ реестрѣ, должны оставаться при прежнихъ правахъ; 5-е Вся чернь останется въ послушаніи у своихъ паповъ; возмущеніе ихъ имѣетъ быть предано вѣчному забвенію; 6-е Чтобы Козаки всякаго рода повинности исправляли своимъ господамъ, какъ то было и прежде; 7-е Чигиринъ (Czehryn) долженъ находиться при Козацкой булавѣ; 8-е Король назначаетъ своего гетмана и утверждаетъ его своею привиллегіею; 9-е Вѣра

должна быть оставлена въ томъ положеніи, въ какомъ была и прежде. 10-е Чтобы шляхта, которая до того держалась Козаковъ, получила амнистію и осталась при прежнихъ почестяхъ; 11-е Чтобы назадъ возвратились на Украину къ своимъ торгамъ; 12-е Хана и Татаръ гетманъ долженъ склонять, чтобы они прежнія свои повинности, при всякомъ Королевскомъ повелѣніи, исполняли; 13-е Если бы Ханъ на это не соглашался, то гетманъ долженъ былъ разорвать съ нимъ дружбу и считать его своимъ непріятелемъ; 14-е Чтобы Козацкій гетманъ ни въ какія сношенія съ монархами не входилъ и отъ нихъ пословъ не принималъ; 15-е Что реестровые Козаки должны быть въ Кіевѣ, въ Каневѣ и въ Крыловѣ, и чтобы тамъ судьи дѣла рѣшали. Во всемъ этомъ условились и клятвою утвердить обѣщали. И подлинно, на другой день, 28 сентября, прислалъ Хмельницкій, увѣдомляя, что самъ пріѣдетъ для клятвеннаго утвержденія заключенныхъ условій, только просилъ, чтобы дали за него въ залогъ двухъ именитыхъ пановъ. По этому наши послали въ закладъ Собѣскаго и Потоцкаго, а сами вышли со всѣмъ войскомъ на Острую Могилу (Magiłę ostrę), сдѣлавъ гетману большой наметъ. А тутъ и Хмельницкій былъ уже близко, котораго провожали Лемпицкій и Зацвилиховскій. Однако жъ, увидѣвъ нашихъ въ такомъ распредѣленіи, сильно оробѣлъ Хмельницкій и всякое думалъ; но какъ уже трудно было воротиться, то, пришпоривъ коня, прибылъ съ своими полковниками подъ гетманскій наметъ, гдѣ гетману, представляющему особу короля, поклонился въ землю и палъ ему въ ноги, прося прощенія въ своихъ проступкахъ (excessów), которое легко и получилъ. Только гетманъ сдѣлалъ ему небольшое наставленіе и сказалъ, что такія его дѣла (zbytki) и пролитая имъ кровь могутъ побудить самаго Бога на отмщеніе, отъ Котораго ничто не закрыто. И потому, чтобы онъ опамятовался и служилъ Королю вѣрно. Послѣ этой рѣчи онъ прочитанныя условія утвердилъ клятвою; также и наши, къ тому назначенные, тоже присягнули. И такъ, послѣ столь ужаснаго кровопролитія, наступилъ миръ; войска въ слѣдствіе тѣхъ условій разошлися. Но этотъ миръ продолжался недолго, ибо, во первыхъ, холопы послѣ этого втораго договора, единожды вкоренившуюся въ нихъ непримиримую злость къ природнымъ своимъ господамъ обнаруживали, а потомъ между ними разошлися слухи, будьто тотъ Бѣлоцерковскій договоръ не имѣлъ никакой силы, ибо не былъ утвержденъ ни королемъ, ни сеймомъ; который въ то время прерванъ былъ (zerwał się), хотя король своимъ объявленіями завѣрялъ ихъ и многократно посылалъ коммиссаровъ для устройства реестровыхъ Козаковъ.

Также и Хмельницкій не могъ быть спокоенъ, ибо онъ постоянно страшился, чтобы когда-либо не подвергнуться величайшей опасности; притомъ и Хану не очень довѣрялъ; по этому постановилъ и въ умѣ своемъ придумалъ искать мира *безъ войны* (bez Wojne), имѣя то въ особенности въ виду, что еще войска, какъ Татарское, такъ и Козачье, не ушли далеко. Между тѣмъ наши зазимовали на Украинѣ, около Кіева и за Днѣпромъ, и вмѣсто того, чтобы стараться послѣ тѣхъ бунтовъ, какъ-нибудь привлекать къ себѣ Козаковъ, еще болѣе имъ надоѣдали; однако жъ все то Хмельницкій переносилъ и даже непослушныхъ и своевольныхъ жестоко

наказывалъ, всѣхъ дурныхъ Козаковъ убивалъ, а бѣглецовъ на веревкахъ доставлялъ къ ихъ господамъ, но въ сердцѣ ковалъ другое. Ибо, какъ скоро услышалъ о прибытіи къ нему Татаръ и увидѣлъ, что все готово для открытія похода, то тотчасъ послалъ къ господарю Валашскому, чтобы обѣщанную свою дочь выдалъ замужъ за его сына, Тимошку, а если того не учинитъ, то конкурентъ тотчасъ войдетъ въ Валахію со 190 т. войска. Долго господарь объ этомъ думалъ, не желая выдавать свою дочь за поганца Тимошку; но, разсудивъ о предстоящемъ раззореніи всего своего государства, долженъ былъ обѣщать; но прежде, нежели должна была наступить свадьба, далъ знать о томъ нашимъ Подолянамъ и королю, что онъ силою принужденъ выдать свою дочь за сына Хмельницкаго, желая, чтобы наши Поляки того не допустили.

А между тѣмъ Хмельницкій, когда земля уже одѣлась травою, съ Татарами и чернью вышелъ въ поля къ Днѣстру, гдѣ уже наши его ожидали въ готовности, запявъ всѣ проходы въ Валахію, чтобы помѣшать свадьбѣ Тимошки съ дочерью господаря. Наши нарочно послали для этого партію, чтобы добыть языка, желая узнать хорошенько, сколько можетъ быть войска съ Хмельницкимъ; однако достали невѣрнаго, ибо онъ говорилъ только о Козакахъ, а о Татарахъ сказывалъ, что ихъ не было съ Хмельницкимъ. Должно знать и то, что великій коронный гетманъ, Михаилъ Потоцкій, умеръ, а польный принялъ главное начальство надъ всѣмъ войскомъ; къ нему прислалъ Хмельницкій, спрашивая: почему бы онъ хотѣлъ мѣшать сыну его итти на свадьбу въ Валахію; гетманъ, считая то за измѣну, нимало не обращалъ на это вниманія и сталъ лагеремъ на рѣкѣ Бугѣ, въ странѣ очень голодной, и беззащитной, подъ Балоровомъ.

Въ скоромъ времени пришло извѣстіе, что Хмельницкій съ Татарами всего въ трехъ миляхъ наступаетъ на нашихъ; наши, испуганные тѣмъ, стали окапываться, но прежде, чѣмъ насыпали валы, показались съ горы Татары. Гетманъ замѣтилъ это и вывелъ въ поле войско весьма неустроенное и не обезопасивъ хорошенько стана съ тыла, откуда Татары, заѣхавъ, съ великимъ крикомъ напали, стремительно аттакуя. Наши, страшно потерявшись, тотчасъ начали постыдно убѣгать. Видя гетманъ, что войско убѣгаетъ, сталъ останавливать бѣгущихъ, просить и умолять, чтобы не дѣлали такого сраму себѣ и своему народу; но когда совершенно ничего не могъ сдѣлать, приказалъ изготовившейся пѣхотѣ стрѣлять по бѣгущимъ, отъ чего гораздо больше ихъ погибло, чѣмъ отъ непріятеля. Тогда остался гетманъ самъ съ небольшимъ количествомъ войска, и съ нимъ Пржіемскій съ полкомъ пѣхоты, который заслонялъ собою весь огонь непріятеля. Въ столь несчастномъ положеніи гетманъ разсудилъ, что удержаться невозможно и должно погибнуть, и потому придумалъ итти съ конными на проломъ, оставивъ пѣхоту на полѣ сраженія, почему и бросился въ самый пылъ сраженія; а начавъ пробиваться, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, но, пораженный непріятельскою рукою, легъ на смертномъ полѣ. Тамъ же погибли съ нимъ Собѣскій и Пржіемскій; пѣхота же Пріемскаго, оставшись безъ начальника, стрѣляла до послѣдней пули, и почти вся, мужественно оборонясь, погибла, ибо мало кого живьемъ въ плѣнъ

взято. Татары и Козаки, гоня ихъ съ позоромъ, словно утокъ стрѣляли и топили на переправахъ чрезъ Бугъ.

Хмельницкій, находясь въ это время въ двухъ миляхъ, показывалъ видъ, будто объ этомъ ничего не знаетъ; но когда услыхалъ о совершенномъ пораженіи нашихъ, въ тайнѣ обрадовался, и всю взятую, послѣ нашихъ, добычу отдалъ Татарамъ, а самъ пошелъ къ Хану, и будто бы показывая милосердіе къ нашимъ плѣннымъ, выкупилъ ихъ на свои деньги и взялъ къ себѣ, сказавъ Хану, что ему не слѣдуетъ отягощать себя плѣнниками. Выкупивъ такимъ образомъ у Хана юношей, человѣкъ 30, и опасаясь какой либо измѣны, или же, по своему обыкновенію, издѣвокъ надъ шляхетскою кровью, велѣлъ всѣхъ перерѣзать; а самъ уговаривалъ Хана чтобы двинулся съ нимъ подъ Каменецъ, о которомъ увѣрилъ, что онъ непремѣнно сдастся, лишь бы только показались тамъ съ войскомъ. И такъ, онъ тотчасъ пошелъ къ Каменцу, откуда хотѣлъ послать на свадьбу сына своего, Тимошку; ставъ подъ Каменцомъ и зная, что въ немъ заперлось множество шляхты со всѣми своими имуществами, обложилъ его весьма тѣсно и тѣмъ перепугалъ шляхту; далѣе, написалъ письмо къ ней и ко всему городу объявляя, что теперь еще гораздо удачнѣе поразилъ на голову Польское войско, чѣмъ подъ Корсунемъ что самъ король бѣжалъ къ Нѣмцамъ, оставивъ Польшу пустую, и потому совѣтовалъ, чтобы Каменецъ сдался ему добровольно. Но осажденные жители Каменца, зная продѣлки Хмельницкаго, отвѣчали ему, что рѣшаются защищаться до послѣдняго человѣка, и потому стали страшнымъ образомъ палить изъ пушекъ по гульстайству и ловко обороняться. Хмельницкій, видя, что изъ Каменца ему подъ посъ подкуриваютъ, положилъ взять городъ долговременною блокадою и выморить ихъ голодомъ; но, какъ долгая блокада, по причинѣ потери времени, надоѣла Татарамъ, ибо они могли бы за это время своими набѣгами быть около Вислы, то начали они бунтовать противъ Хмельницкаго, попрекая ему, что онъ у нихъ плѣнныхъ выкупилъ, и что ихъ триста (?), какъ выше сказано, вопреки военному праву, приказалъ умертвить; а также, что обѣщалъ имъ покорить Каменецъ, чего и до сихъ поръ не сдѣлалъ. Хмельницкій, видя такое на себя посягательство, и желая все это усмирить, далъ колпакъ червонцевъ Мурзѣ Татарскому, а простыхъ Татаръ ласкалъ подарками и обѣщаніями и поилъ напитками; и едва ихъ успокоилъ, какъ получилъ извѣстіе, что войско наше, зимовавшее за Днѣпромъ, идетъ оттуда, и что король съ посполитымъ рушеньемъ прибудетъ; почему, покинувъ осаду Каменца, пошелъ къ Чигирину, откуда послалъ своего сына на свадьбу въ Яссы съ Выговскимъ (do Jas Zwychowski); когда онъ подъѣзжалъ къ Яссамъ, то Валашскій господарь, видя, что Хмельницкій не шутитъ, выѣхалъ на встрѣчу къ Тимошкѣ съ своими придворными; а когда уже съѣхались, то прежде Тимошко, въ собольей шубѣ, низко ему поклонился, а послѣ и господарь, поцѣловавъ его въ голову, также низко поклонился; наконецъ, сказалъ ему комплиментъ, на который дуракъ Тимошко, не умѣя отвѣчать и слова, посмотрѣлъ на Выговскаго, который, однако, за него что-то отвѣтилъ; послѣ чего вся эта архандія ввалилась въ замокъ, при

звукѣ бубновъ, сурмъ и трубъ. И здѣсь-то господарева дочь поздоровалась съ своимъ суженымъ, о которомъ вчера приказывала пѣть себѣ думу Козацкую; потомъ наступило бракосочетаніе, свадьба и бапя (łuźnia), чѣмъ покончилась вся эта свадебная трагедія.

Добившись такого родственнаго союза съ господаремъ Валашскимъ, Хмельницкій не только гетманомъ Запорожскимъ, но уже обладателемъ (Panem) цѣлой Руси учинился; однако, онъ написалъ къ королю письмо, оправдываясь, что сыну его, шедшему за женою въ Валахію, гетманъ съ войскомъ заступилъ дорогу, которая для всякаго свободна, и что изъ того вышла оказія, въ которой войско Польское и гетманъ убиты. Почему извинялся, что во всемъ этомъ былъ невиненъ, ибо остерегалъ гетмана, чтобы онъ не преграждалъ пути его сыну; кромѣ этого говорилъ, что не могъ удержать черни и, наконецъ, сказалъ, что если бы онъ ее не удерживалъ, то вѣрно бы она была уже за Вислою. На такое письмо показолось королю не угоднымъ отвѣчать, а потому и не отвѣчалъ; а между тѣмъ на сеймѣ всѣ положили продолжать войну съ Хмельницкимъ, не согдашаясь на посполитое руценье; только назначили войска изъ воеводствъ и повѣтовъ. Когда это происходило, снова прибыли отъ Хмельницкаго послы съ письмомъ, въ которомъ онъ просилъ у короля помилованія и присылки коммиссаровъ для разузнанія дѣла и заключенія мира. И хотя вовсе уже не вѣрилъ этому, по истинѣ величайшему, плуту, хоть бы онъ клялся и Богомъ живымъ, однако отправилъ пословъ его съ тѣмъ, что, если онъ разорветъ дружбу съ Татарами и дастъ сына своего королю въ заложники, то получитъ королевское милосердіе и благоволеніе. Потомъ послалъ король съ тѣмъ же Зацвилиховскаго и Чернаго, которые знались съ Хмельницкимъ прежде и были въ хорошихъ съ нимъ отношеніяхъ, чтобы они разузнали, согласенъ ли онъ дать сына своего въ заложники и разорвать союзъ съ Татарами: тогда король выслалъ бы своихъ коммиссаровъ для договоровъ. Съ такою инструкціею эти королевскіе послы отправились въ Чигиринъ, коимъ на встрѣчу выѣхалъ Тимошко, сынъ его, съ 200 всадниковъ; поздравивъ ихъ отъ имени своего отца, просилъ униженно ихъ къ себѣ, приговаривая, что имъ будетъ очень радъ. Потомъ, когда были близко, и самъ Хмельницкій, вышедъ со всею своею свитою, ласково съ ними поздоровался и позвалъ къ себѣ на обѣдъ, во время котораго за здравіе короля велѣлъ палить изъ пушекъ; tandem сталъ удивляться, за чѣмъ бы пріѣхали къ нему въ такую опасную пору (w ogień i powietrze)? Чему наши послы удивились и отвѣчали, что онъ недавно присылалъ къ королю, прося помилованія, и потому король прислалъ къ тебѣ, что, если желаешь его милости и мира, разорви союзъ съ Татарами, и дай въ заложники королю своего сына, тогда и коммиссары пріѣдутъ въ Кіевъ и заключатъ трактатъ. Поглядѣлъ за это тиранъ немилостиво и, взявшись за саблю, началъ имъ махать подъ носъ, грозя совершенною погибелью отечеству; тогда отважился Черный и сказалъ: Не на что гнѣваться: мы послы, что ослы: то приносимъ, что на насъ положено и что приказано. Выговскій сталъ также усмирять Хмельницкаго, который, не много успокоившись и припомнивъ прежнія свои связи съ Зацвилиховъ-

скимъ, смягчился и снова началъ съ ними милостивѣе разговаривать. Наконецъ, отпустилъ съ тѣмъ, говоря: 1-е Что ему разрывать союза съ Татарами, теперь, когда пора военная, нельзя, а коммиссія и потомъ отъ насъ не уйдетъ; 2-е. Сына дать въ заложники не можетъ, ибо одинъ еще малолѣтенъ, а другаго недавно женилъ; впрочемъ, соглашался на другихъ заложниковъ, если бы то было нужно; 3-е. Чтобы король Зборовскія условія утвердилъ клятвою. Когда съ этимъ явились послы къ королю и все ему разсказали, тогда, разгнѣванный и встревоженный король, приказалъ гетману Потоцкому итти съ войскомъ подъ Ковель и послать приказанія всѣмъ, чтобы туда собирались; но они медленно слушали приказаній (leniwo słuchali); тѣ же, что съ гетманомъ были изнуренные въ станѣ, очень мало дѣлали пользы, ибо имъ надоѣло уже терпѣть продолжительныя лишенія, коихъ едва гетманъ успокоилъ, прибавивъ имъ въ то время жалованье и освободивъ на время отъ лагерныхъ трудовъ. За тѣмъ все войско расположилось по квартирамъ около Обовля, не спуская ни духовнымъ, ни шляхетскимъ имѣніямъ; тамъ же производили они своеволія и большія безпорядки, отъ которыхъ и самъ гетманъ не могъ ихъ удержать; наконецъ, самъ король далъ повелѣніе, чтобы, подъ опасеніемъ смертной казни, шли въ станъ; по крайней мѣрѣ послѣ этого приказанія собрались въ одно мѣсто (do kupy).

А за тѣмъ и зима наступила; но наши военачальники, мало обращая на нее вниманія, хотѣли вести войско за Днѣпръ; но Богу было не угодно, ибо зима была гнилая, а къ тому и смятеніе возникло въ войскѣ по недостатку въ провіантѣ. Такимъ образомъ войско должно было опять разойтиться на зимнія квартиры; а между тѣмъ къ гетману приходили разныя вѣсти о Хмельницкомъ, т. е. что у него собрано на готовѣ 40 тысячъ Орды и безчисленное множество черни, что со всею этою силою намѣренъ итти противъ короля; что съ пограничными монархами переговаривается; что Турчину обѣщаетъ Каменецъ со всѣми землями по Вислу, лишь бы далъ ему помощь противъ короля; что отправилъословъ въ Москву, чрезъ которыхъ обѣщалъ взять у Поляковъ и отдать Царю Смолепскъ и Сѣверскъ; что въ Валахію и Молдавію послалъ съ приказаніемъ собираться подъ Львовъ; когда такого рода вѣсти дошли до ушей нашихъ гетмановъ, то они вздумали послать сильную партію, желая получить вѣрнѣйшее и лучшее извѣстіе, для добытія языка; почему и послали какого-то Чешка, который, напавъ на Козацкій полкъ и истребивъ города, Смѣлогородокъ (Smiałogrodek) и Прилуки, порядкомъ оный потрепалъ, но языка добыть не могъ.

Послѣ чего пошелъ Горпецкій съ 12 т. бракованнаго конпаго войска, который разрушалъ на пути взбунтовавшіеся города, никому не давалъ пощады, и мечемъ и огнемъ опустошалъ такъ, что отъ Согребыщъ (Sohrebyszcz), Беашады (Beaszada) и Умани (Chumen) почти вся Браславщина опустѣла; въ Уманѣ же, заставъ множество гультайства, собравшагося на ярмарку, быстро ворвался въ городъ съ войскомъ, и, не давая Козакамъ развернуться, приказалъ всѣхъ рѣзать, не спуская никому; даже женщинъ тирански рѣзалъ для острастки другимъ городамъ. Хмельницкій, бывъ объ этомъ невѣрно увѣдомленъ, ибо ему кто-то сказалъ, что такія опустошенія

производитъ своевольная и небольшая толпа Поляковъ, послалъ съ полкомъ Богуна, который, завидѣвъ наше огромное войско, противъ него идущее, возвратился назадъ и заперся въ Монастыришкахъ, а между тѣмъ послалъ къ Хмельницкому, увѣдомляя его обо всемъ. Тогда наши атаковали его въ Монастыришкахъ, но и сами понесли значительный уронъ, ибо Богунъ сильно защищался; однако, когда крѣпкій сдѣлали приступъ и зажгли замокъ, тогда Богунъ усомнился въ своихъ силахъ и какимъ-то чуднымъ образомъ ускользнулъ изъ рукъ нашихъ Поляковъ. На этомъ-то приступѣ самъ Чарнецкій былъ не опасно раненъ въ лице стрѣлою. Здѣсь совершился дивный Божій судъ, не допустившій нашимъ взять Богуна; а что еще хуже, когда замокъ горѣлъ, какой-то негодяй закричалъ: „Орда идетъ!“ На этотъ крикъ наши, тотчасъ потерявъ совершенно глаза, опрометью бросились и покинули, уже добытый, замокъ, оставили возы свои и больныхъ на лагерномъ мѣстѣ и за 7 миль убѣжали. Хмельницкій же, медленно, въ нѣсколько дней, прибылъ въ Монастыришки, но уже дѣло было кончено (po hагаріе) дивился и смѣялся, что наши безъ стыда, сами не зная для чего, ушли.

Когда это дѣлалось, король созвалъ сеймъ въ Брестѣ Литовскомъ на который собралось очень мало шляхты; да и та утверждала, что дальше защищаться не въ силахъ и не можетъ. Слыша это, король самъ снова обѣщалъ итти на войну и окончить ее непремѣнно, чѣмъ удовольствовалъ шляхту, да и войско, услыхавъ о томъ, не только успокоилось и бунтовать перестало, но еще съ охотою стало ожидать прибытія короля. А тутъ снова отъ Хмельницкаго прибылъ гонецъ, съ челобитною о королевскомъ милосердіи и чтобы не шелъ за Днѣпръ съ войскомъ, ибо и такъ много пролито невинной крови; а за тѣмъ просилъ, чтобы окончить это бѣдствіе, обѣщаясь покориться, лишь бы гетманъ Запорожскій и его войско остались при прежнихъ правахъ; король, прочитавъ эту челобитную, хотя совершенно ему не вѣрилъ, но, видя истощенныя свои силы, приказалъ отвѣчать въ такомъ смыслѣ: что онъ уже неоднократно милосердіе и благосклонность королевскую получалъ, но никогда своего слова не сдержалъ, ибо всякій разъ съ Татарами имѣлъ постоянныя сношенія, и войско Польское а особенно подъ Батовымъ, поражалъ, и что вовсе безъ нужды употребляетъ религію предлогомъ, а самъ совершенно обусурманился, соединившись съ Татарами; но что король никому во всемъ своемъ государствѣ старыхъ привиллегій не уничтожалъ, и что онъ еще смѣетъ говорить о Зборовскихъ условіяхъ. Напослѣдокъ написано было, чтобы онъ этого напрасно не забиралъ себѣ въ голову, но ежели желаетъ въ самомъ дѣлѣ мира, то обезпечилъ бы его вѣрною порукою, чрезъ то можетъ получить отъ короля милосердіе и прощеніе. Давъ такой отвѣтъ Хмельницкому, паши придумали источникъ для уплаты войску жалованья; послѣ чего король велѣлъ войску двинуться къ Глинянамъ, гдѣ оно и расположилось станомъ; потомъ помогъ Господь всемогущій, что Ракоціи съ Радуломъ Молдавскимъ, опасаясь, чтобы Хмельницкій и на ихъ не покусился, когда ему счастье послужитъ: ибо уже на свадьбѣ Тимошки хвастался, что онъ Радула Молдавскаго сгонитъ и на мѣ-

сто его поставить своего сына господаремъ, а послѣ Семиградскою землею завладѣетъ. Поэтому тотчасъ Ракоцій послалъ свое войско въ Валахію съ логоѳетомъ (Lahotetem), который, войдя туда, тотчасъ выгналъ господаря изъ Яссъ; узнавъ о томъ, зять господаря Валашскаго, Тимошко, поспѣшилъ къ нему на помощь съ 12 тысячами отборныхъ Козаковъ; но какъ уже войско Ракоція шло къ границамъ, то онъ безопасно вступилъ въ Яссы, вырѣзалъ, бывшую тамъ въ небольшомъ числѣ пѣхоту Ракоція и снова господаря, своего тестя, посадилъ въ Яссахъ, а самъ, ослѣпленный этою удачею, пошелъ въ Молдавію; на пути туда, когда онъ переправлялся черезъ рѣку Телезьму, напалъ на него Ракоціевъ военачальникъ и такъ страшно поразилъ его, что Тимошко едва ушелъ только съ 1,200 Козаковъ, а прочее Козацство было вырѣзано. За нимъ погнался было гонецъ Кондрацкій, но, травленный заяцъ, Тимошко, пробрался тропинками въ свою Украину; послѣ этого происшествія, Ракоцій, видя, что хотя ему посчастливилось, но онъ не въ силахъ будетъ устоять противъ Козаковъ и Татаръ, и потому послалъ къ нашему королю, чтобы онъ, забывъ всѣ непріязненныя между ними отношенія, прислалъ ему помощь, дабы соединенными силами можно было усмирить бунтовщика Хмельницкаго. Король въ то время находился въ станѣ подъ Глиняпами, гдѣ, сдѣлавъ смотръ своему войску и учинивъ въ немъ хорошій порядокъ, составилъ коммиссію подъ своимъ предсѣдательствомъ въ Львовѣ, куда снова прибылъ посолъ Ракоціевъ, который отъ имени своего повелителя предлагалъ королю 30 тыс. войска, не считая того, которое на вѣрное будетъ выставлено господаремъ Молдавскимъ противъ Хмельницкаго. Послѣ совѣта короля объ этомъ tandem pro et contra, порѣшили, чтобы предлагаемое Ракоціемъ подкрѣпленіе принять и имъ не пренебрегать, надѣясь, что при этомъ пособіи Богъ освободитъ Польшу. И такъ немедленно былъ отправленъ Яскольскій условиться объ этомъ съ Ракоціемъ. Узнавъ объ этомъ, Хмельницкій сильно началъ отчаяваться, особенно когда Яскольскій, идя съ своимъ полкомъ, нечаянно напалъ подъ Линцами на Козаковъ и тамъ не мало положилъ ихъ на мѣстѣ; однако же, рѣшился во что бы то ни стало, собравшись, со всѣми силами ударить на короля, и тѣмъ временемъ что нибудь сдѣлать; и потому пошелъ съ чернью и Татарами, какіе въ то время при немъ были, къ Збаражу, гдѣ люди князя Димитрія Вишневецкаго, сразившись съ его авангардомъ, захватили семь реестровыхъ Козаковъ; но прежде нежели ихъ представили королю, Пясечинскій, пойдя съ своею хоругвой въ разъѣздъ, былъ подъ Зборовомъ окруженъ Козацствомъ и, потерявъ людей своихъ, едва могъ убѣжать и увѣдомить короля о близкомъ присутствіи Хмельницкаго. Также и Хмельницкій, узнавъ отъ захваченныхъ у Пясечинскаго людей, что большой Польскій станъ, а съ нимъ и самъ король, находился подъ Глинянами, отступилъ къ Маначинамъ, забывъ всѣ прежнія свои предпріятія и только за Чернымъ Островомъ остановился, ибо безъ Татаръ не могъ ни какимъ образомъ держаться. Наше войско также двинулось тотчасъ изъ подъ Глинянъ и послало партію къ Хмельницкому, не зная, куда онъ отступилъ. Историкъ не пишетъ, что эта партія сдѣлали, но только говоритъ, что Хмельницкій, какъ можно поскорѣе,

перебрался за Днѣпръ, чтобы имѣть возможность соединиться съ большою Татарскою силою, а между тѣмъ послалъ къ королю полковника своего, Антона, уже не отъ своего имени, а отъ имени всего народа Козацкаго (pospolstwa kozackiego), прося помилованія; черезъ котораго объявилъ, что, если не получитъ отъ короля милости, то обусурманится и въ ярмо Турецкое запряжется, отдавшись ему со всѣмъ краемъ; что христіанство должно принять въ соображеніе и до того его не допустить.

Когда съ такимъ письмомъ помянутый полковникъ, Антонъ, прибылъ въ нашъ станъ, паши гетманы, зная о всегдашнемъ мошенничествѣ Хмельницкаго, не сочли приличнымъ, допустить его къ королю и дали отъ себя такой отвѣтъ: „что король нѣсколько разъ прощалъ Хмельниц„каго, не для него, а для всего вой„ска Запорожскаго, żeby go solwował, „и потому, считая его обманщи„комъ, король не хочетъ ему ни „вѣрить, ни принимать отъ кого „бы то ни былоословъ; но если „войско Козацкое желаетъ полу„чить благоволеніе короля, то пусть „оно схватитъ Хмельницкаго и вы„дастъ его въ руки ему.“ Хмельницкій, разъяренный такимъ отвѣтомъ, послалъ къ Хану за подмогою, а въ Москвѣ началъ составлять противъ насъ козни, въ чемъ и успѣлъ, ибо вскорѣ прибылъ въ нашъ станъ гонецъ, чтобы Хмельницкаго король простилъ и впредь не дѣлалъ никакой ему обиды; чтобы Унію уничтожилъ во всемъ своемъ государствѣ; чтобы, взятый Владиславомъ, Смоленскъ отдалъ обратно. Наши удивились такимъ строгимъ требованіямъ и позадержали того посла до совершеннаго окончанія коммиссіи въ Львовѣ, на которой паны и шляхта занимались Богъ знаетъ чѣмъ и едва успокоили войско, которое далѣе двухъ мѣсяцевъ не хотѣло ждать заслуженнаго жалованья; по какъ ему жалованье прибавлено, то потому осталось, однако жъ, и двинулось за непріятелемъ подъ Галичъ, гдѣ было получено извѣстіе, что Ракоцій въ Валахіи осаждаетъ Сочаву. Но съ тѣмъ вмѣстѣ наши узнали (długa pozysztа gazeta), что Москаль съ своимъ войскомъ уже въ готовности стоитъ на границѣ и только ожидаетъ возвращенія посла, котораго наши нарочно задержали, чтобы расправиться съ Хмельницкимъ. Между тѣмъ, Хмельницкій, будучи въ Подоліи, приготовлялъ средства для освобожденія находящейся въ Сочавѣ господарши, и по этому послалъ къ своему Тимошкѣ, чтобы онъ спасалъ ее; но какъ Ракоцій позанялъ проходы, то онъ вошелъ въ Сочаву и заперся въ ней. Король также изъ-подъ Галича двинулся съ войскомъ къ Гусятину, желая воспрепятствовать этой помощи, но сильно обманулся; ибо тѣмъ временемъ Хмельницкій сносился (praktykował) съ Турчиномъ, представляя ему, что Ракоцій хочетъ освободиться отъ Турецкаго покровительства, чтобы не платить ему никакой дани. И потому совѣтовалъ Турчину, чтобы онъ до того не допускалъ его, что легко и внушилъ, ибо Турчинъ тотчасъ же далъ фирманъ Силистрійскому пашѣ и Румелійцамъ, чтобы они шли на помощь Хмельницкому. Здѣсь должно обратить вниманіе, въ какомъ бѣдствіи находилось тогда отечество; но, однако жъ, прежде нежели всѣ эти силы совокупились, войско Венгерское, вмѣстѣ съ нашимъ, крѣпко штурмовало Сочаву; во время штурма замѣтили Тимошку, сына Хмель-

ницкаго, ходившаго по валамъ и разставлявшаго пушки, парочно павели на него кулеврину: такъ называлась пушка, изъ коей ядро ударило въ другую пушку, которая, распавшись въ куски, оторвала близко стоявшему Тимошкѣ ногу такъ славно, что онъ отъ того умеръ. Отъ чего великое смятеніе возникло въ Сочавѣ, ибо одни хотѣли сдаться, а другіе положили погибнуть до послѣдняго, но, однако жъ, господарша ихъ успокоила, кого подарками, кого просьбой. Между тѣмъ пришло къ королю извѣстіе, что Хмельницкій пошелъ на выручку Сочавы съ великою своею и Татарскою силою; почему король держалъ въ то время въ Каменцѣ совѣтъ, какими бы дорогами можно было помѣшать Хмельницкому освободить Сочаву. И потому съ войскомъ пошелъ къ Жванцу, откуда послалъ Маховскаго отъ своего и Ракоціева имени, увѣщевая жителей Сочавы съ господаршей Валашскою покориться. И они дали себя уговорить и Сочаву сдали, сдѣлавъ такія условія: 1-е Чтобы всѣ, въ ней находящіеся, присягнули королю; 2-е Чтобы всѣ Тимошкины сборы были отданы Польскимъ офицерамъ; 3-е Чтобы не трогать ничего, принадлежавшаго старому господарю, но чтобы оно досталось новому; 4-е Чтобы Сочавцы вышли изъ замка съ тѣмъ, что имъ принадлежало; 5-е Чтобы пушки отдали королю и значки сложили у ногъ его; 6-е Чтобы господарша съ женщинами и своимъ имуществомъ выѣхала, куда ей заблагоразсудится; и эти условія Ѳедоренко (Hwederenko), заступавшій мѣсто Тимошки, утвердилъ крестною клятвою; а прочіе, поднявъ вверхъ персты, клялись въ томъ же. Наши имъ то же присягою утвердили исполненіе тѣхъ условій. По окончаніи этихъ переговоровъ, король поставилъ новаго господаря и отдалъ въ его распоряженіе Сочаву. Только господарь тамъ не разбогатѣлъ, ибо послѣ стараго господаря денегъ не нашелъ; было только кое-что въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ и вещахъ, но и тѣ много охотниковъ привлекали, потому что къ нему всѣ съ поздравленіемъ пріѣзжали и вещи (regały) брали. Этотъ новый господарь тотчасъ же прислалъ королю 100 яловыхъ коровъ, вина и меду, сколько могъ собрать на скорую руку, обѣщаясь всегда быть ему вѣрнымъ и готовымъ на все, что прикажетъ. Король, утѣшаясь этою побѣдою, думалъ уже совершенно Хмельницкаго уничтожить, и положилъ пуститься далѣе въ Украину; но тутъ пришло извѣстіе, что Ханъ Татарскій съ великими Ордами стоитъ около Бара. Испуганное тѣмъ, наше войско вышло съ королемъ въ поле, гдѣ, претерпѣвая три дня величайшія стѣсненія со стороны непріятеля, не могло получить никакого извѣстія; и хотя наши партіи доходили даже до Днѣпра, но не могли никакого языка добыть; а между тѣмъ 500 человѣкъ Орды, ограбивъ часть Волыніи, съ неслыханною смѣлостію подкрались подъ нашъ станъ и тутъ множество рогъ (siła kompanii) забрали въ тихомолку, т. е. выкрали. Ханъ, въ то время нанятый прежнимъ господаремъ, послалъ Голту (Goltę, Калгу?) на освобожденіе Сочавы, но услыхавъ, что она уже взята, пошелъ за Днѣпръ въ слѣдъ за Хмельницкимъ. За тѣмъ, когда уже эта буря миновала, всѣмъ показалось неумѣстнымъ съ войскомъ итти далѣе, опасаясь какой-либо измѣны; предусматривая это, Венгерскій воена-

чальникъ съ Шембекомъ пошли въ поиски. А король тѣмъ временемъ успоконлъ недовольное войско, которое всего болѣе негодовало на то, что такъ долго находилось въ полѣ, а Хмельницкаго до того времени не видно. Потомъ пришло извѣстіе, что Ханъ павѣрное находится подъ Староградомъ, и что тамъ много собралось къ нему этого скота (bawadu) изъ Крыму, Ногая, Добручи (Dobrecz), Дупая, Приволжскихъ (owolskich) и Калмыцкихъ краевъ, словомъ, такое тамъ множество Татаръ и Козаковъ собралось, какое было подъ Зборовомъ и Берестечкомъ. Но какъ наши желали добыть объ этомъ языка, то Яспоборскій, сдѣлавъ удачный поискъ, добылъ пять языковъ, а послѣ Шембекъ павѣрные разузналъ, что Ханъ Татарскій послалъ черезъ Валахію къ Ракоцію, прося его, чтобы онъ разорвалъ союзъ съ нами. Почему тотъ же Шембекъ, пустившись окольными дорогами, захватилъ Ордынскаго посла, вмѣстѣ съ письмами, писанными отъ Хана къ Ракоцію, и доставилъ его къ королю. Отъ этого посла наши узнали: какъ Ханъ снабжаетъ своихъ Татаръ тулупами, чтобы, не смотря на зиму, оставаться въ полѣ; какъ знаетъ Ханъ о томъ, что Польское войско изнурено до крайности, почему хочетъ сперва отрѣзать отъ Польши, а потомъ всѣхъ припереть къ Днѣстру. А въ письмахъ вотъ что вычитали: Ханъ не только проситъ, но и грозитъ Ракоцію, чтобы онъ разорвалъ союзъ съ Поляками; а если бы того не сдѣлалъ, стращалъ выместить на его государствѣ.

Видя изъ такихъ свѣдѣній неотразимый надъ собою ударъ, наши сильно стали сожалѣть, что прошлое лѣто и зиму понапрасну потеряли въ безполезныхъ разсужденіяхъ и ссорахъ, а между тѣмъ łanowy ludzie требовали отпущенія ихъ домой, и изъ стана ушли; равно и Венгры съ Валахами начали просить (molestować) короля объ увольненіи, не желая больше терпѣть гибели. Король, видя такое свое несчастіе, что уже и войско стало расходиться, и непріятель окружилъ его, безпрестанно совѣтовался, что ему дѣлать въ столь тягостномъ положеніи. Одни совѣтовали, чтобы броситься на непріятеля, но этого силы наши не дозволяли сдѣлать, ибо и короля, и себя погубили бы; другіе желали, чтобы или пробиться сквозь непріятеля съ королемъ, или какъ-либо Покутьемъ (pokuciem) удалиться и миновать непріятеля, но это было невозможно, ибо всѣ проходы были заняты, нѣкоторые же говорили, что должно окопаться, но и на это трудно было рѣшиться, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы всѣмъ погибнуть отъ голода. И потому всѣ охотнѣе желали попробовать Татаръ съ Ханомъ: не склонится ли онъ, видя еще Польское войско во всей силѣ? Когда въ нашемъ станѣ шли такія совѣщанія, Сапѣга, отправившись въ поискъ, добылъ языка, отъ котораго узнали, что Ханъ уже стоитъ кошемъ подъ Гусятинымъ съ гораздо большимъ числомъ войска, чѣмъ при Берестечкѣ, и уже перехватилъ всѣ намъ дороги; но какъ еще ничего не было извѣстно о томъ, на что рѣшился бусурманъ (poganin), то король послалъ партію съ великимъ своимъ воиномъ (żołnierz), Колодзинскимъ, который, подъѣхавъ вечеромъ подъ самый станъ Татарскій, захватилъ нѣсколько языковъ; когда онъ возвращался съ ними, Орда, перерѣзавъ ему дорогу, напала на него въ Кудринкѣ, гдѣ наши, растояніемъ въ одной милѣ отъ своего стана, ра-

сположились какъ дома, и тамъ не только разогнали его роту, но и самаго Колодзинскаго, ранивъ въ затылокъ, вогнали въ станъ. Тутъ-то наше войско увидѣло, какъ много надѣлало себѣ зла, потерявъ все лѣто въ сборахъ и упрямствѣ; оно начало сожалѣть о томъ, но не во время. Также изъ 15 тысячь пѣхоты осталось едва 4 тысячи, но и та, изнуренная голодомъ, отъ вѣтра падала; однако жъ, не опуская еще рукъ, войско кое-какъ начало окапываться; но въ это время прибылъ переводчикъ отъ Шеферъ Кафи Аги, канцлера Татарскаго, къ нашему Канцлеру, съ цидулою, что королю Польскому, столь великому монарху, неприлично зарываться въ землю передъ ничтожными Татарами, а лучше пусть не тратитъ времени по пусту и поскорѣе расправится съ Ханомъ. Наши должны были проглотить это краткое, хотя и незначительное (niezncznie), посольство; однако жъ дали ему такой отвѣтъ: что и въ окопахъ, и безъ окоповъ, готовы на схватку, въ которой либо погибнемъ отъ сабли, либо найдемъ миръ, ибо неприлично также и Хану быть въ побратимствѣ съ холопомъ, гораздо бы лучше быть съ королемъ. И едва этотъ переводчикъ выѣхалъ изъ стана, какъ прибылъ другій Бабатыкъ отъ Хана, приглашая нашихъ къ дружескимъ переговорамъ и объявляя, что съ ними были и заложники для начатія переговоровъ. Потому-то наши отправили посломъ къ Хану Войниловича, который отъ имени короля долженъ былъ обѣщать Хану заложниковъ, лишь бы только дошло до словесныхъ переговоровъ, а также чтобы и отъ Хана были заложники. Едва Войниловичь выѣхалъ съ этимъ, какъ Татары перерѣзали ему отъ Каменца дорогу и напали на него большими толпами, такъ что онъ едва ушелъ въ станъ. Разгнѣванный этимъ король, рѣшился было никого больше уже не посылать и ожидать своего счастія или несчастія; но опый Сефиръ Кафи-Ага (kafiga) возвратился отъ Хана съ извѣстіемъ, что трудъ его не былъ напрасенъ, ибо сей часъ же слѣдуютъ за нимъ и заложники, а коммиссары завтра рано прибудутъ для переговоровъ съ нашими. Видя это, король упросилъ Яворовскаго старосту, чтобы онъ, для отечества, отважился пойти въ закладъ къ Татарамъ, на что тотъ и рѣшился. Однако жъ наши прежде всего взяли въ заложники мурзу, а послѣ уже и своего старосту послали въ залогъ къ Хану.

На другой день съ обѣихъ сторонъ съѣхались подъ Каменцъ; съ нашей стороны канцлеръ Любомірскій, маршалъ, польный гетманъ, воевода Русскій, кастелянъ Сандомірскій, старосты Винницкій и Калускій; наши сдѣлали большую ошибку, что въ коммиссію послали самыхъ главныхъ своихъ предводителей; со стороны Хана были: Кафіага, Госмодеръ, Карамурза съ Лехимомъ, и другіе лучшіе ихъ предводители. Послѣ переговоровъ были предложены отъ Хана слѣдующія условія: 1-е Чтобы наши дали въ залогъ четырехъ сенаторовъ, и четыре года не платили Татарамъ значительной пенсіи, и чтобы эти же самые сенаторы всегда были при Ханѣ для вѣрнѣйшаго мира; 2-е Чтобы Хану дозволено было за военныя издержки и убытки брать въ ясырь, что ему угодно; 3-е Чтобы условія Зборовскія были непарушимы. Услыхавъ это, наши коммиссары, хотя сильно возпегодовали въ душѣ, но, сколько возможно было, старались ласкать гордыхъ Татаръ,

пока не увѣдомили обо всемъ короля. Узнавъ объ этомъ, король созвалъ поскорѣе кругъ и въ немъ уже болѣе ни о чемъ не говорилъ, какъ только о томъ, какимъ бы образомъ спасти коммиссаровъ отъ опасности. Наконецъ, король рѣшился со всѣмъ войскомъ итти на выручку коммиссаровъ, а по этому еще почью вывелъ войско въ поле; на другой день рано, сдѣлавъ смотръ, увидѣлъ что его уже и половины не было; однако и это съ непріятелемъ отважилось сразиться, и хотя было обремепено бѣдствіями, все же пылало прямымъ Марсомъ и желало, или умереть, или отбиться. И потому, для освобожденія коммиссаровъ, уже отважился было съ остальнымъ цвѣтомъ (czołem) отечества итти на встрѣчу бусурману (poganinowi), но тутъ пришло изъ Каменца самое неожиданное извѣстіе: что Ханъ, узнавъ о такой нашихъ рѣшимости, сбавилъ цѣну и уже не такъ, какъ прежде, пугалъ; ибо вмѣсто ясыря, соглашался удовольствоваться извѣстною суммою и младшими заложниками, а не сепаторами; только настойчиво требовалъ оставить непарушимо Зборовскія условія. Король, услыхавъ объ этомъ, послалъ къ коммиссарамъ, дозволяя имъ закончить, какъ можно, не пиша новыхъ условій и не утверждая ихъ клятвою, но чтобы, по крайней мѣрѣ, оставить ихъ при первыхъ Зборовскихъ. И такъ коммиссары заключили только то, чтобы все осталось при непарушимыхъ Зборовскихъ условіяхъ, давъ въ закладъ (жалко сказать) сына воеводы Русскаго и Олесницкаго. Вотъ какой наши учинили злополучный конецъ своей войны подъ Жванцемъ и сами съ остаткомъ войска едва съ ушами возвратились, и увидѣли весь край, опустошенный Татарами по самый Люблинъ.

Такъ заключили подъ Жванцемъ миръ съ Татарами; но Хмельницкій и знать не хотѣлъ о немъ, и онъ не долго продолжался; ибо едва король прибылъ въ Люблинъ, какъ получено было извѣстіе, что Татары дѣлаютъ набѣги по Припеть, забираютъ въ плѣнъ народъ и шляхту съ женами и дѣтьми, а особенно, напавъ на одинъ свадебный балъ Кашевскаго, подъ Дубномъ, всѣхъ дамъ и барышень въ дорогихъ свадебныхъ нарядахъ, молодую и ея отца, маститаго старика, кастеляна, взяли въ плѣнъ и знатныхъ паней и панинъ безчестили. Когда объ этомъ дано было знать, великому гетману Потоцкому, то онъ немедленно приказалъ нѣкоторымъ публичнымъ хоругвямъ выступить и зайти Татарамъ въ тылъ, чтобы этотъ ясырь отбить. Также и Сапѣги, поспѣшивъ съ своими людьми, имѣли сначала удачу, ибо разогнали нѣсколько партій; но, однако жъ, напавъ на самый кошъ, т. е., станъ Татарскій, были охвачены тѣмъ громомъ и это несчастное пораженіе довершили собою.

Король, между тѣмъ, открылъ Сеймъ въ Варшавѣ, на которомъ тотчасъ возобновились ссоры о вакантныхъ булавахъ. На этотъ шумный Сеймъ пришло извѣстіе, что Ханъ, возвращаясь въ Крымъ съ такимъ прекраснымъ ясыремъ, истребилъ нѣсколько городовъ на Запорожьѣ. Недовольный тѣмъ, Хмельницкій совершенно раздружилъ съ нимъ и обратился къ Москвѣ, предлагая Царю свои услуги Для чего тоже и Царь прислалъ къ нему своихъ коммиссаровъ, передъ которыми Хмельницкій присягнулъ на крестѣ, а съ нимъ и всѣ Козаки, что они будутъ вѣчно подвластными Царю. По совершеніи той присяги послѣдовали условія, чтобы вся Украи-

на, Кіевъ, Браславль, Черниговъ и всѣ ихъ уѣзды были Московскіе на вѣки, по Горынь, Рось и Тетеревъ. На это Хмельницкій согласился и тотчасъ все то отдалъ во владѣніе Москвы, а самъ получилъ знамя и булаву, обѣщаясь при томъ окреститься другой разъ и ходить въ такой одеждѣ, какую носитъ Московская деревенщина (derewlanie), и отрицаясь на вѣки отъ Польскихъ обычаевъ. Однако какой-то тамъ митрополитъ не соглашался на такую скорую перемѣну, желая прежде дать объ этомъ знать патріарху, что онъ объ этомъ думаетъ? Но его не послушали.

Объ этомъ приходили на Сеймъ къ нашимъ панамъ, тягавшимся о булавахъ, разныя вѣсти, но они тому не вѣрили до тѣхъ поръ, пока Млоцкій, посланный нарочно гонцомъ, не увидѣлъ, что 100,000 Московскаго войска стоитъ въ полѣ и что при немъ пушекъ болѣе 80-ти. Однако наши все еще не довѣряли, чтобы когда-либо Царь могъ дойти до такого союза съ Хмельницкимъ, а за тѣмъ Сеймъ, проходившій въ однихъ ссорахъ и распряхъ, особенно о булавахъ, довольно несчастливо былъ прерванъ (zerwał) какимъ-то депутатомъ. Ахъ! тутъ бы не разъ, тысячу разъ, должно заплакать, глядя на ссоры и несогласія нашихъ пановъ! Когда отечество уже совершенно погибало, тогда еще самъ Господь, не попуская намъ погибнуть вѣчно, воздвигъ первѣйшаго митрополита и патріарха Московскаго, который самъ пріѣхалъ къ Царю, убѣждая его не начинать войны съ Поляками, и представляя, что истинный обманщикъ, Хмельницкій, легко можетъ примириться съ Поляками и совершенно погубить царство Московское, подобно тому, какъ недавно предъ тѣмъ, при Баторіи, претерпѣло оно разореніе, когда по Волгу и Танаисъ обливалось отъ Польской сабли кровью; почему совѣтовалъ Царю лучше отправить къ королю посла, склоняя его къ удовлетворенію Московскихъ требованій безъ войны. Царь послушался митрополита, и, приказавъ оставить пушки, послалъ къ королю посла, который, опившись, гдѣ-то на дорогѣ сломилъ себѣ шею; а отъ того еще болѣе худую войну предвидѣлъ патріархъ и безпрестанно уговаривалъ Царя къ миру. Такое убѣжденіе этого патріарха нашимъ помогло тѣмъ, что до конца не погибли. Между тѣмъ паны одумались, Смоленскъ лучше снабдили и войско устроили (uligowali), пока не открылась весна. Должно знать, что важный Козацкій принципалъ, Богунъ, отложился отъ Хмельницкаго, не довольный тѣмъ, что онъ поддался Москалю, и потому уговаривалъ всюду чернь, чтобы возвращалась къ своимъ прежнимъ Польскимъ панамъ. Это довѣрилъ онъ гетману, прося его, чтобы онъ сперва исходатайствовалъ ему милость короля и, какъ можно скорѣе, прислалъ о томъ извѣщеніе; а онъ обязывался, съ большею частью Запорожскаго войска, передаться Польшѣ. Гетманъ, повѣривъ этому и мало говоря о томъ съ королемъ, пошелъ прямо къ Браславлю и, ставъ лагеремъ подъ Межибожемъ, началъ о томъ съ Богуномъ довѣрчиво сноситься посредствомъ шпіоновъ; но хитрый Богунъ ковалъ измѣну и нарочно дѣлалъ проволочку, чтобы можно было ему истребить съ войскомъ гетмана. Однако жъ, помогъ Господь, что гетманъ узналъ объ этой измѣннической уловкѣ Богуна, и потому, сильно встревоженный, самъ рѣшился его, какъ

можно скорѣе, предупредить въ этомъ намѣреніи; по этому, снявъ лагерь при Межибожѣ, двинулся прямо съ кавалеріею къ Катинкамъ, гдѣ, получивъ вѣсть о Богунѣ, что онъ направилъ путь свой къ Умани и поспѣшалъ изъ всѣхъ силъ къ Москвѣ, не предавался бездѣйствію, рѣзалъ и никому по селамъ и мѣстечкамъ не давалъ пощады, и сколько ни засталъ въ Елгакахъ (Jelgaki) многочисленной запершейся черни, всю удачно перерѣзалъ, а въ Умани съ такимъ успѣхомъ противосталъ кавалеріи, что она принуждена была ретироваться. Однако же, гетманъ во всей Браславской Украинѣ, начиная отъ Роси, огнемъ и мечемъ губилъ чернь.

А между тѣмъ и второй Сеймъ наступилъ въ Варшавѣ, гдѣ снова споръ о булавахъ много похищалъ времени. Король, видя этотъ внутренній огонь, поскорѣе роздалъ булавы: великую Литовскую Радзивилу, а польную Гонсѣвскому. По раздачѣ булавъ, Бѣгановскій, донесъ какъ его императоръ Турецкій принялъ въ Цареградѣ, и какъ ему выговаривалъ, что паши уже не во время, послѣ такого кровопролитія, надумались къ нему обратиться; а онъ бы приказалъ Хану быть за одно (jednoczyć) съ Козаками (?) и охотнѣе бы велѣлъ Татарамъ, чтобы королю служили и Хмельницкаго бить помогали. Другой отчетъ въ посольствѣ своемъ къ Хану сдѣлалъ Яскульскій, какъ уже Ханъ желаетъ съ королемъ соединиться, обязуется итти съ нимъ на Москву, взбунтованную противъ Польши Хмельницкимъ; только желаетъ, чтобы ему удержанные подарки королевская казна выплатила, и чтобы самъ король поклялся быть съ нимъ въ постоянномъ союзѣ. Послѣ такихъ на Сеймѣ донесеній, пришло извѣстіе, что Москва съ Козаками, ворвавшись въ наши границы, вырѣзала Дорогобужъ (Drohobycz), Невель и Серпейскъ (Sepelsk) и взяла Полоцкъ; а въ Польшѣ никакого еще не было сдѣлано приготовленія для отраженія непріятеля. Сеймъ же, который долженъ былъ продолжиться небольше двухъ недѣль, протянулся, по причинѣ великихъ упорствъ нашихъ пановъ, до пяти. А Москва, между тѣмъ, пошла къ Мстиславлю (Monisławie) и осадила Смоленскъ. Однако жъ Радзивилъ, желая получить вѣрное объ этомъ извѣстіе, приказалъ итти за языкомъ, съ 7-ю легкими хоругвями, Ганцкофу, великому и опытному наѣзднику (kawalerowi). Тотъ благополучно выступилъ съ величайшею быстротою и, заставъ Москву неготовую, которой и не снилось о нашемъ войскѣ, сильно ее смѣшалъ и положилъ на мѣстѣ 5000 человѣкъ, а потомъ и самъ, съ хорошею добычею, ушелъ.

Также прибылъ на сеймъ и посолъ отъ Хана для заключенія союза, который и былъ на слѣдующихъ условіяхъ утвержденъ съ обѣихъ сторонъ: 1-е Чтобы король за себя, а за республику примасъ, присягнули, что и Ханъ съ своей стороны долженъ сдѣлать. 2-е Чтобы ни одна изъ двухъ сторонъ не смѣла дѣлать въ земляхъ другой насилія, ни вторгаться въ ея владѣнія; 3-е Чтобы король ежегодно выплачивалъ назначенные прежними договорами подарки, за которыми ежегодно пріѣзжать будетъ отъ него въ Каменецъ Мурза, за что Ханъ долженъ, съ своей стороны, при каждой просьбѣ короля, давать ему вспомогательное войско; 4-е Что теперь Ханъ вмѣстѣ съ королемъ пойдетъ противъ Москвы и Хмельницкаго; 5-е Что кто изъ иностранныхъ монар-

ховъ будетъ врагомъ королю, тотъ будетъ также и Хану; а также, кто будетъ врагомъ Хану, тотъ будетъ и королю; 6-е Что никто изъ нихъ не помирится ни съ Москвою, ни съ Хмельницкимъ отдѣльно, но вмѣстѣ; 7-е Чтобы все это было обнародовано въ Польскомъ и Татарскомъ войскѣ. Король, утвердивъ клятвою эти условія передъ Ханскими послами, тотчасъ послалъ къ Хану, чтобы и онъ то же далъ клятву. Яскульскій тотчасъ было поспѣшилъ съ этимъ посольствомъ, но на Украинѣ получилъ извѣстіе, что Ханъ умеръ. Встревоженный тѣмъ, Яскульскій далъ знать королю, и король, озабоченный этою невеселою вѣстью, полагалъ уже, что этотъ союзъ съ Татарами не состоится по смерти Хана; однако велѣлъ Яскульскому явиться къ новому Хану для окончанія договоровъ; Яскульскій, прибывши туда, хотя всѣхъ Татаръ нашелъ осиротѣвшими безъ Хана, однако вся Татарская старшина приняла его благосклонно и обѣщала исполнить все то, что покойный Ханъ ни заключилъ съ королемъ. Почему и калга отъ имени всѣхъ Татаръ написалъ письмо къ королю и увѣрялъ его въ томъ, объявляя, что никогда въ союзѣ съ Козаками не будутъ, и даже пойдутъ, по приказанію короля, противъ ихъ; а хотя новаго Хана нѣтъ, но коль скоро онъ будетъ избранъ, то непремѣнно утвердитъ клятвою договоръ съ королемъ. Письмо это Яскульскій отослалъ къ королю, а самъ остался до избранія Хана. По избраніи, онъ тотчасъ отправился, по обыкновенію, въ Стамбулъ за знаменемъ и кафтаномъ, возвращенія коего долго съ нетерпѣніемъ ожидалъ Яскульскій. Но какъ Москва, всполошенная Гацкофомъ, стала гораздо осторожнѣе и безпрерывно производила въ Литвѣ все большія и большія опустошенія, то Радзивилъ, вмѣстѣ съ гетманомъ польнымъ, пошелъ къ Оршѣ, въ намѣреніи какою нибудь уловкою напасть нечаянно на Москву; однако Господь не попустилъ ему, ибо Москва, замѣтя то, зашла ему въ тылъ и, напавъ на него подъ Шкловомъ, постыдно его съ войскомъ поразила; и хотя гетманъ подвергалъ жизнь свою опасности и мужественно сражался, но негодное (nie dobre) войско страшно уходить начало, такъ далеко, что гетманъ, загнавъ двухъ коней, едва самъ могъ по здорову убраться къ Минску. Разгромивъ постыдно подъ Шкловомъ 10-т. нашего войска и забравъ всю добычу и таборы, похожіе на тѣ, какіе были подъ Пилявцами, Москва двинулась къ Смоленску и завладѣла всею Бѣлоруссіею и половиною Литвы по самую рѣку Березину, покорила болѣе 200 городовъ съ замками, а наконецъ, взяла Смоленскъ и Витебскъ разорила; только Быховъ и Шкловъ удержались, въ которыхъ жители были такъ честны, что тайкамъ сговорившись между собою, Московскую пѣхоту, бывшую въ гарнизонахъ, истребили до чиста. Сдѣлавъ это въ короткое время, Москва пошла назадъ.

Яскульскій все еще въ Крыму поджидалъ возвращенія Хана, котораго, при возвращеніи отъ Турчина, встрѣтилъ посолъ Хмельницкаго и просилъ, чтобы онъ, помня прежнюю дружбу, не вступалъ съ королемъ Польскимъ въ союзъ, за что обѣщалъ ему великіе подарки. На что Ханъ не далъ ему рѣшенія, а возвратившись въ Крымъ держалъ совѣтъ съ мурзами, что дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ; на не положено, чтобы онъ написалъ королю письмо, въ которомъ бы объя-

вилъ, что онъ отъ всего сердца желаетъ сохранить союзъ, заключенный съ королемъ, и что тотчасъ прикажетъ своимъ ордамъ выходить, что бы, соединясь подъ Черниговцами съ гетманами Польскими, помогали Польскимъ войскамъ, а потомъ и самъ придетъ съ большимъ еще войскомъ.

Ославъ такое письмо къ королю, Ханъ написалъ другое къ Хмельницкому, въ которомъ изъяснилъ, что онъ самъ примиритъ его съ Польскимъ королемъ, лишь бы только тотчасъ отступилъ отъ Москвы и заодно съ Ханомъ и королемъ на нее ударилъ; потомъ, чтобы испросилъ у короля прощеніе и съ того времени, кромѣ его, не зналъ другаго государя; реестроваго же Козацства не держалъ бы болѣе 10,000; а если этого не сдѣлаетъ, то онъ, со всею силою, обратится на него. Получивъ извѣстіе о такомъ рѣшеніи Хана, гетманъ великій съ польнымъ двинулись съ войскомъ на Украину, гдѣ снова въ Кальникѣ и въ Богушѣ вырѣзали (wisiekli) бунтовщиковъ. Князь Дмитрій Вишневецкій также истребилъ Домовку за то, что людямъ его тамъ было что-то сдѣлано. Богунъ хотѣлъ было тогда сопротивляться съ своими полками гетманамъ, но видя, что они очень сильно наступаютъ, ушелъ отъ нихъ. Также и Татары по Ханскому предписанію прибыли въ нашъ станъ; но они больше себѣ, чѣмъ нашимъ, помогали; ибо постоянно гонялись по Запорожью за ясыремъ. Однако жъ сразу показали, каковы они, когда, снесясь съ гетманами, тихо пошли подъ Охватовъ, гдѣ такъ сильно ударили на войско Хмельницкаго, что половину таборовъ и 20 пушекъ отняли, и вѣрно бы еще больше что-нибудь сдѣлали, если бы Богунъ не ударилъ нечаянно въ тылъ на нашихъ, котораго, однако, удержали и мужественный отпоръ ему дали. Также, нѣтъ сомнѣнія, что совершенно уничтожили бы Хмельницкаго, если бы несчастная жадность не помѣшала, ибо когда одни храбро сражались, другіе занимались грабежемъ богатыхъ таборовъ; а между тѣмъ Хмельницкій оправился и сражался уже равнимъ боемъ съ нашими. Тутъ погибло съ обѣихъ сторонъ войска больше 15 тысячь, особенно пѣхоты очень мало осталось. По крайней мѣрѣ наши тогда овладѣли полемъ сраженія, а Хмельницкій ночью ушелъ къ одной слободѣ, а оттуда къ Бѣлой Церкви, гдѣ нашелъ готовыя подкрѣпленія и Московское войско, стоявшее не вдалекѣ, почему снова оправился (rekollizowal). Когда наше войско захотѣло, послѣ этого сраженія, не много отдохнуть и размѣститься по квартирамъ, нетерпѣливые Татары, не желая сидѣть въ бездѣйствіи, неотступно требовали итти за ясыремъ по тѣмъ городамъ, которые имъ нравились, куда шли на соединеніе съ нашимъ Польскимъ войскомъ, на что наши, ради не ради, должны были согласиться; такимъ образомъ, Татары, набравъ множество плѣнныхъ, пошли прочь отъ нашихъ.

КОНЕЦЪ.

Пен. Гос. Библіот.

1 р. 50 к.